

Подобнымъ образомъ г. Житецкому неизвѣстно, что въ празнуимъ, разумѣимъ (I л. мн. повел.) вовсе не е переходитъ въ и, а ѣ; равно и въ твор. ед. зноимъ и—не изъ е, а изъ ѣ (№ 4, 419).

V.

Глухіе звуки ѣ и ѥ при плавныхъ р, л между двумя другими согласными.

Вопросъ о мѣстѣ глухихъ при плавныхъ г. Колосовъ считаетъ существеннымъ въ исторіи Русскаго языка. Онъ держится того взгляда, что въ словахъ *тѣрѣзъ*, *вѣлѣзъ* и т. п. гласная есть не р, л, а ѣ, что и мнѣ кажется несомнѣннымъ. Приводя мое мнѣніе (Два изслѣд., 138), что особенность древняго русскаго по отношенію къ старо-славянскому состоитъ въ постановкѣ ѣ, ѥ передъ плавными въ большинствѣ случаевъ, г. Колосовъ спрашиваетъ, о какихъ исключеніяхъ здѣсь рѣчь: о тѣхъ ли, кои принадлежатъ самому языку, или о тѣхъ, которыя суть лишь слѣдствіе неустановившагося правописанія, и рѣшаетъ вопросъ въ мою пользу (Оч., 23). Дѣйствительно, я не ставилъ въ число особенностей языка малограмотности писцовъ. Впрочемъ, я не давалъ повода къ самому вопросу, потому что то меньшинство случаевъ, въ которомъ ѣ и ѥ стоятъ въ древнемъ русскомъ послѣ плавныхъ, было указано мною въ томъ же сочиненіи (Два изслѣд., 34). Въ числѣ приведенныхъ тамъ словъ есть и пять изъ тѣхъ семи, которыя приводитъ г. Колосовъ на стр. 26.

Нѣтъ ли русскія нарѣчія почти единогласно предполагаютъ въ однихъ словахъ, глухой звукъ передъ павною, въ другихъ—послѣ нея. Для сравненія съ этимъ я бралъ старо-славянскій языкъ въ томъ видѣ, въ какомъ онъ дѣйствительно встрѣчается въ памятникахъ, и какъ его понимаетъ Миклошичъ, который по написанію недѣлаетъ разницы между *плѣкъ*=русск. *полкъ*, и *плѣтъ*, =русск. *плоть*. Указывая вмѣстѣ съ тѣмъ на то, что

гдѣ въ русскомъ замѣна *ѣ, ѥ* — послѣ плавной, тамъ въ польскомъ она большею частію или стоитъ на томъ же мѣстѣ, или выпускается; я тѣмъ самымъ признавалъ, что это свойство не исключительно русское. Только выводы изъ этого представляются мнѣ теперь нѣсколько иные, чѣмъ прежде.

I. *Глухіе послѣ плавныхъ въ такихъ случаяхъ, какъ брѣвъ* и проч. Г. Дювернуа (Система основн. элементовъ и формъ слав. нарѣчій) выставляетъ слѣдующее положеніе: «Славянское полугласіе находится въ тѣсной зависимости отъ кириловскаго преданія. Степенью точности въ воспроизведеніи кириловскихъ элементовъ *ѣ, ѥ* легко измѣряется древняя литературная связь славянскихъ племенъ съ проповѣдью и ученіемъ блаженныхъ первоучителей слав.» (положеніе 7-е). Подробнѣе, хотя не убѣдительно, сказано объ этомъ тамъ же на стр. 87—88: «Для древней области Славянъ верхнепанионскихъ чешско-моравское нарѣчіе есть на столько же вѣрное хранилище кириловскаго преданія, на сколько словинское нарѣчіе для области Славянъ нижнепанионскихъ. Въ древнѣйшихъ памятникахъ чешской письменности кириловскіе полугласные элементы имѣютъ замѣны.... въ гласной *е*, которая.... постоянно сопровождаетъ произношеніе гласныхъ элементовъ *г, і* и образуетъ изъ нихъ отдѣльный, независимый отъ предшествующаго, слогъ, и именно въ тѣхъ случаяхъ, въ которыхъ современное нарѣчіе чешско-моравское не сопровождаетъ ничѣмъ гласные элементы, сами по себѣ слога несоставляющіе *).

*) Какъ понять, что такъ-называемый авторомъ гласный элементъ не составляетъ слога, напримѣръ, въ *чикъ*? Что же тутъ составляетъ слогъ, если не *і*? Чтобы имѣть право думать, что *і* не составляетъ здѣсь слога, нужно считать его согласнымъ звукомъ, сопровождаемымъ или предшествуемымъ глухимъ гласнымъ, хотя бы и малозамѣтнымъ. Или авторъ хочетъ сказать, что въ чешскомъ *р* въ началѣ слова не составляетъ слога, между тѣмъ какъ въ сербскомъ оно можетъ его составлять (по нашему — потому, что имѣетъ при себѣ глухой гласный звукъ), напримѣръ, въ словѣ: *р-вати*?

Таковы, напимѣръ, реченія Суда Любушина и другихъ древнѣйшихъ памятниковъ чешско-моравскаго нарѣчія, первоначертанныя руками латинскихъ клериковъ по слѣдамъ свѣжаго преданія кириллицы: *plezne, pleki, bred, prevensi, dlesno* *). Это начертаніе (а выше говорилось о произношеніи е при г, l), «зависящее вполнѣ и безраздѣльно отъ кириловскаго преданія, такъ укоренилось въ правописаніи, что ясные его слѣды остаются на памятникахъ гораздо позднѣйшаго времени. Такъ въ глоссахъ «*Mater verborum*» 1202 года встрѣчаемъ: *plet (rates), trest (arundo), drebne (riget)*. Кромѣ того, находимъ и понинѣ въ чешскомъ лексиконѣ нѣсколько такихъ кириловскихъ реченій, унаслѣдованныхъ изъ глубины среднихъ вѣковъ: *krev* (вмѣсто *krv*). Тѣмъ яснѣе это заимствованіе изъ кириллицы, что нарѣчіе чешское въ тѣхъ случаяхъ, когда гласные элементы г, l имѣютъ благозвучную потребность превратиться въ согласные, примѣняютъ для ея удовлетворенія свое, специфически свойственное средство,—гласную и: *slunce, chlum* и т. п.». Выходитъ, какъ будто и при г примѣняется тоже средство.

Если и допустить вмѣстѣ съ Шафарикомъ и Палацкимъ (*Die ältest. denkmäler der Böhm. sprache*), что въ Судѣ Любуши и отрывкѣ глоссы къ Евангелію отъ Іоанна, относимыхъ къ одному времени, написаніе *le* между двумя согласными есть лишь подражаніе старославянскому правописанію (*plezne, wletaŋo, pleki, hlemca; dlesno, mleui, naplenila se, pleti; creconosi, bred, prevensi; mreŋuich, zreno, oturedi, zredce, neuireglise*), то это подражаніе окажется далеко не вѣковѣчнымъ, ибо невидно возможности отнести къ нему изображеніе глухаго звука посредствомъ *i* передъ l, г въ глоссахъ Вацерада: *dilh, pilst, birdo, birui* и пр. Я не могу согласиться съ г. Гейслеромъ (*Fonologie*, § 38), что въ этихъ случаяхъ *ir, il* звучало именно какъ *br, vl*, и изъ

*) И тутъ же подъ рядъ примѣры безъ l, г: *kegdi, okence, deski*. О чемъ же рѣчь?

тождества написанія словъ, какъ *sirtwa* (=жиртва) и *tiň* (=тѣрѣ), вывожу, что разница между *ь* и *з* здѣсь несказывается, что *і* выражаетъ здѣсь глухой звукъ вообще. Когда Вацерадь въ нѣсколькихъ словахъ, имѣющихъ въ ст.-славъ *з* при *р*, *л* между согласными, пишетъ не такъ, какъ выше, то и въ этомъ немогу усмотрѣть кирилловскаго вліянія, а вижу частію слѣдствіе неопредѣленности произношенія (*wlichues* при *wilchues*, *slich*=злѣчъ), частью совершенно опредѣленные звуковыя явленія, именно: а) появленіе *lu* на мѣстѣ *гл*: *slunek* (*slunek*, *navis*), *umlucia*, *slutek* (*žlutek*), и б) появленіе чистаго *е* на мѣстѣ глухаго звука *послѣ р*, *л*: *dřebnu* (нынѣ *dřebnu*), *trest*, *plet* (*rates*). Что *ге*, *ле* въ этихъ послѣднихъ словахъ есть не какая-либо случайность, которую можно было бы объяснить литературнымъ вліяніемъ, а явленіе, вытекающее изъ большей глубины языка, это видно не столько изъ самаго Чешскаго языка, сколько изъ его сравненія съ Русскимъ, Польскимъ и Лужицкимъ.

Въ большей части случаевъ, гдѣ въ русскомъ *о*, *е* вмѣсто *з*, *ь*—*передъ* плавными между двумя согласными, тамъ замѣны глухихъ на томъ же мѣстѣ въ польскомъ (кромѣ случаевъ *fu*, *fo*, о чемъ скажемъ ниже) и лужицкихъ; тамъ глухіе при *г*, отчасти и при *л*, остаются въ чешскомъ *) (кромѣ случаевъ *lu* и нѣкоторыхъ другихъ). Напротивъ, гдѣ *о*, *е* вм. *з*, *ь*—*послѣ* плавныхъ въ русскомъ, тамъ въ польскомъ и лужицкихъ—или замѣна глухаго звука на томъ же мѣстѣ, или его опущеніе; иногда тоже и въ чешскомъ, хотя и съ меньшею правильностію, такъ какъ и въ этомъ случаѣ глухой звукъ въ чешскомъ можетъ оставаться.

а) *рз*: русск. *бръзъ*—брзвъ, польск. *brew'*, род. *brwi* (одинъ слогъ), полаб. мн. ч. *brawoj*, по Шлейхеру *brāvai* и *brāvai*, но въ чешск. *brv'*.

дрѣжъ, *дрѣжати*—дрожь, дрожать, польск. *dreż* и

*) или, если угодно такъ выразиться, тамъ *г*, *л* имѣютъ гласное произношеніе въ чешскомъ.

dreszcz, -и, dreść, -і, drżać (одинъ слогъ) и drgać, drgnąć (1 слогъ), в.-луж. ržeć (1 слогъ), н. луж. džaś.

дрѣва — дрова, польск. drwa (1 слогъ), drewno (то-есть, дръвѣно; несмѣшивать съ drzewo=дрѣво—дерево), drewniany, н.-луж. drejany=польск. drewniany, полаб. drava, drova, по Шлейхеру drāva (дрова), по чеш. drvo (2 слога).

крѣштити — крошить, польск. krszyć; *крѣха* — кроха, польск. krszyna (2 слога), krzta (1 сл.=крѣхта? мр. крихта), krztyna (2 слога); *крѣхкій* (крѣх—), в чешск. съ е послѣ г: křechký (пишутъ křehký).

крѣвь — кровь, кровавый, польск. krew, род. krwi (1 слогъ), krwawy (2 слога), н.-луж. krej, kšej, kšew', kšawy, kšawiś, krawnik, kšawnik (=польск. krwawnik, achillea millefolium), в.-луж. krej, krew, krwawy (2 слога). Въ чешск. krev согласно относительно замѣны з съ русск., польск. и луж., по krví, krve (род.), съ сохраненіемъ глухого звука, двусложно. Полабск. karoi, kroí, по Шлейхеру kárai, есть, быть можетъ, форма, буквально равная не основной формѣ крѣ (Schleicher, Polab. Spr., 240), а формѣ *крѣвь*, луж. krej.

трѣсть — трость, тростина, чешск. trest (чистая гласная, замѣняющая глухую, стоитъ послѣ р), trítí (=трѣстїе), съ опущеніемъ глухого, какъ въ польскомъ и лужицкомъ: польск. trzécia (старин., одинъ слогъ), trzécina, в.-луж. trécinina (3 сл.), н.-луж. ścina.

трѣст-, русск. *трощитъ* сродно съ предыдущимъ. Ср. польск. treść, род. , съ удержаніемъ чистой замѣны ера, treści (хотя можно бы ожидать trzeci), собственно выжатый сокъ, откуда — содержание, извлечение, смыслъ, сущность, чешск. trest', род. tresti. Къ той же основной формѣ относительнаго корня (трѣст) принадлежатъ польск. trestkać, trestać, чешск. trestati, наказывать.

крѣтъ — кротъ, польск. kret — род. kreta, н.-луж. křet, но чешск. krt (съ глухимъ звукомъ).

Въ русскомъ къ такимъ словамъ съ основнымъ *рз* принадлежатъ, между прочимъ, мал.-русс. *брость*, род. -сти, сербск. брет., и вел.-русс. *кострома*, въ коемъ

происхожденіе втораго *о* изъ *з* подтверждается чешск. *kostrbatý*, косматый. *Ъ* въ этомъ словѣ относится къ *у* въ мал. русск. *коструб*, *кострубонько* (мифологическое лицо Кострома), *кострубатый* (косматый), какъ *крях* къ *крух*, *крушить*?

б) *рѣ*: *крѣстъ*, крестъ, -ить, польск. *chrzest*, род. *chrztu* (крещение), *chrzćić*, в. луж. *chćić*, *kću*, ниже-луж. *kšćić*, *kšćony*, чешск. *krěst*, *křtu* (одинъ слогъ). Сюда жъ относится и польск. *krzyczusa*, *выя*, затылокъ, волосы (какъ падающіе по плечамъ?), колтунъ, ниже-луж. *kšica*, крестецъ. Что до полабскаго *wakarst*, *wakorst*, по Шлейхеру *vīkarst*, окрестъ, то здѣсь гласная *†р* есть позднѣйшая перестановка изъ *р†*—гласная.

хрѣбѣтъ, хребетъ, польск. *chrzept* (стар.) и *grzbiet* (1 слогъ), н.-луж. *kšebiat*, *chrebiat*, в.-луж. *khribiet*, *khriebiet*, полабск. *gribiat*, чешск. *hřbět* (1 слогъ).

грѣмѣти, гремѣть, польск. *grzmieć* (1 слогъ), чеш. *hřmět* (2 слога). Хотя *і* въ н.-луж. *se grimaś*, *se grimotaś*, в.-луж. *so hrima*, *hrimot*, *hrimanje*, не есть диалектическая замѣна глухого звука, а равносильно съ *і* (*и*) въ мал.-русс. *гримати*, съ *и* въ—бирать и т. п., но оно указываетъ на мѣсто, гдѣ стоялъ глухой звукъ въ болѣе первообразной формѣ. Полабск. *grame*, по Шлейхеру *grāmi*, гремитъ.

скрѣжѣтъ—скрежетъ, скрежетать, польск. съ опущеніемъ перваго глухого *zgrzytać*, чешск. *křehot*.

Польск. *trzmieć* предполагаетъ не *з*=русс. *о* (мал.-русс. *строміти*), а *ѣ*=*е* (стрѣмѣти); въ чешскомъ ударжанъ глухой звукъ: *strměti*; ср. однако *střmiti*, *třmiti* ро *ѣет*—сильно желать.

Русск. *стринадка*, птичка изъ рода синицъ (Даль), вѣроятно правильнѣе *стренадка*, польск. *trznadel*, н.-луж. *tšnarl*, *šnarl*, в.-луж. *sknadž*, но чешск. *strnad* (2 слога).

дрѣст- (въ нынѣшнемъ русск. только производная форма *дрѣстать*), польск. *trznąć* (то-есть, дрѣстнѣти).

Хотя въ русскомъ обыкновенно *стержень* (то-есть, стържень, съ *ѣ* передъ *р*), но мал.-русс. *стрижень* и

вел.-русск. *стрѣжа*, *стрѣжь*, *стрѣжень* указываютъ на возможную форму *стрѣжьнь*, которая подтверждается опущеніемъ глухого звука въ польск. *zdrzeń*, *drzeń*, *rdzeń*, н.-луж. *dzeń*.

При нѣсколькихъ польскихъ словахъ, въ коихъ, по видимому, опущенъ глухой звукъ послѣ *р*, стоятъ русскія съ *е* основнымъ, а не изъ *ь* послѣ *р*: *brnąć* (бредити), и вѣроятно, относящееся сюда *ubrnąć sobie* (uroić sobie, ср. бредить)—изъ *брѣд*, при чемъ *ь* опущено еще въ то время, когда *р* (*г*) въ польскомъ еще неассимилировалось; въ старо-русскихъ памятникахъ, впрочемъ, встрѣчается *брѣсти*, *брибрѣде*; въ польскомъ *brnąć* глухой звукъ послѣ *р*, потомъ утраченный, могъ возник-

нуть подъ влияніемъ характера $\frac{\text{не}}{\text{нж}}$. Польск. *drwić*—тру-

нить (вѣроятно, изъ *дрѣв*, какъ выше), при в.-р. *древитъ* сердце, раздражать. Польск. *trwać* (одинъ слогъ), чешск. *trvati* (3 слога) и польск. *trwonić*, расточать имущество—изъ *трѣв*, но вовсе не имѣютъ противней въ русскомъ, такъ какъ мал.-русск. *тривати*, ждать, заимствовано, а мал.-русск. *теревені правити*—говорить пустяки, далеко и по смыслу, и по формѣ. Польск. *trząść*, вертопрахъ, изъ трепеть съ ассимиляціей *р*, какъ *grzmot* и пр. При *е* въ русск. и ст.-сл. трепеть, чешск. *třepetati*, н.-луж. *tšepetaš*. Польск. *trzymieć*—шмелъ и *trząść*—шпелъ, сюда неотнесены и *rz* (вмѣсто *sz*) въ нихъ неможетъ быть оправдано.

в) *лж*: *блѣха*—блоха, польск. *pchła* (перестановка формы *blcha*, одинъ слогъ), *płeszcza*, чешск. *blecha* (по словен. *blcha*), в.-луж. *pka*, *bka*, н.-луж. *pcha* (изъ *blcha*) полабск. по Шлейхеру *blācha*.

глгт—глотать, глннуть, польск. *pochlonać*, по чеш. съ удержаніемъ глухого звука *pochltnouti*.

яблѣко, яблоко, польск. *jabłko* (2 слога), *jabko*, чешск. *jablko* (2 слога?), полабск. *jobki*, по Шлейхеру *jobkü* (*i* изъ *o*). Въ луж. *jabłuko* и, можетъ-быть, столь же поздне, хотя и не такого происхожденія, какъ и

мал.-русск. *у* изъ *о* въ яблоко. Я думаю, что лужицкая форма изъ *jablko* (2 слога).

плѣть, плоть, польск. *płeć*, род. *płci* (1 слогъ), чешск. *plěť*, н.-луж. *płeś*.

Польск. *płta*, чешск. *plť* неимѣетъ соотвѣтствія въ русскомъ, такъ какъ въ *плотъ* *о* врядъ ли изъ *ъ*, а скорѣе тождественно съ польск. *о* въ *płot*.

г) *ль*: *блѣвати*, *плѣвати*, *кльвати*, польск. *plwać*, *klwać* (1 слогъ), полаб. по Шлейхеру *blawe* (=блѣветь).

кльну, откуда клену и позднѣе кляну, польск. *klne* (1 слогъ).

слѣза, слеза, польск. *łza*, род. мн. *łez* (изъ *słdza*), н.-луж. *słdza*, *dza*, *za*, полабск. по Шлейхеру *slādza*, *slāza*, но въ чешск. *slza* съ глухимъ звукомъ; в.-луж. *selza*, *sylza*, предполагаетъ форму близкую по неопредѣленности гласнаго звука къ чешской и уже черезъ посредство этой восходитъ къ *слѣза*. Польская и верхне-лужицкая формы твердостью *л* какъ будто указываютъ на *ъ*, а не на *ь* послѣ *л* (*слѣза*); однако вѣроятнѣе, что въ этихъ нарѣчіяхъ *л* изъ средняго, какое требовалось слѣдующимъ *ь*, превратилось по опущеніи *ь* въ твердое, чѣмъ то, что изъ твердаго (въ предполагаемомъ *слѣза*) оно въ русскомъ языкѣ безъ видимой причины стало среднимъ и небнымъ въ слеза, слѣзы.

Изъ всего этого вывожу слѣдующее: въ случаяхъ, когда чешская форма, какъ *brv*, которая одинаково могла возникнуть и изъ *brъv* и изъ *brъvь*, не даетъ яснаго указанія на мѣсто глухого звука въ болѣе древнемъ языкѣ, она неуничтожаетъ опредѣленности указаний, получаемыхъ нами отъ нарѣчій русскаго, польскаго, лужицкаго, полабскаго, и непротиворѣчить имъ. Когда же и въ чешскомъ находимъ *e*, какъ замѣну глухого звука послѣ *р*, *л*, или опущеніе этого звука, тогда всѣ названныя нарѣчія единогласно заставляютъ принять основную форму съ *ъ*, *ь*, послѣ *р*, *л*, какъ *блѣха*. Вообще, отъ одного какого-либо нарѣчія нельзя заключать о мѣстѣ *ъ*, *ь* при плавныхъ въ болѣе древнемъ языкѣ. Слѣдуетъ смотрѣть какъ на исключеніе на то, что

напр. не смотря на *gr* въ русск. *гзртань*, гортань, въ польск. *krtan* (1 слогъ) и сродныхъ (*kręczyć*, давить за горло, *krtunić się*, *krztusić się*, давиться, першить (ср. также *grdyka*—кадыкъ, *grdać*, дергать, о дергачѣ), глухой звукъ не замѣненъ, какъ въ другихъ подобныхъ случаяхъ (*gardło*), а опущенъ, какъ еслибъ основная форма была *грътань*. Тоже въ чешскомъ *křtan* (1 слогъ) при *hrtan*, *hrtal* (2 слога). Исключение и то, что въ чешскомъ *křeč* *e* стоитъ послѣ *p*, несмотря на русск. *кърчъ*, *корчи*, польск. *kurcz*.

II. *Глухіе звуки передъ плавными въ такихъ случаяхъ, какъ: влкз, тзргз.*

А. выше мы не нашли ни одного случая, въ которомъ русскому сочетанію *лз*=*ло* между двумя согласными въ польскомъ и чешскомъ соотвѣствовало бы *lu*, *lu*. Напротивъ, именно русскому сочетанію *зл* соотвѣтствуетъ польск., чешск. *lu*, *lu*.

Въ чешск. *lu*=*зл* въ началѣ XIII вѣка уже существовало, но не во всѣхъ словахъ, въ коихъ оно теперь: у Вацерада—*dilh*, нынѣ *dluh*. Въ Судѣ Любуши и Глоссахъ на Евангеліе отъ Іоанна этого *lu* еще нѣтъ, изъ чего можно заключить, что оно появилось позже этихъ памятниковъ (по мнѣнію И. И. Срезневскаго. Судъ Любуши не X, а XI или XII вѣка), но до начала XIII вѣка. Та же относительная новость *lu* видна и изъ того, что при нынѣшнихъ чешскихъ *dluh*, *dlouhý*, *slunce*, *sloup*, *tlustý*, *žluč* въ ближайшемъ къ чешскому нарѣчіи, словенскомъ—*dlh*, *dlhý*, *slnce*, *stlp*, *zlč*, формы, которыя, по вышесказанному, могли бы безразлично предполагать и *зл*, и *лз*. Сравненіе чешскаго съ польскимъ и сравненіе этихъ нарѣчій, взятыхъ частью виѣстѣ, частью порознь, съ лужицкими, полабскимъ и русскимъ также ведетъ къ заключенію о новості *lu*, *lu* и о возникновеніи его изъ *зл*. Такимъ образомъ къ мнѣнію, что напр., въ *блзхи* *з* послѣ *л* есть черта, предшествующая раздѣленію нарѣчій, прибавляется здѣсь другое, что напр., въ *пзлзк* *з* передъ *л* свойственно не одному русскому, но и западнымъ нарѣчіямъ, почему

здѣсь сочетаніе *зл* слѣдуетъ признать болѣе древнимъ, чѣмъ *лз*. По видимому, подобнаго мнѣнія былъ и Шлейхеръ, когда говорилъ, что *злзкз* точнѣе (*genauer*), чѣмъ *злзкз* (*Polab. Spr. 158*). Я неотвергаю того, что послѣдняя форма можетъ быть совершенно правильна для старославянскаго, какъ одного изъ славянскихъ нарѣчій опредѣленнаго времени; но думаю теперь, въ отличіе отъ прежняго своего мнѣнія, что она никогда небыла общеславянскою, и что *злзкз* древнѣе.

Переходя къ частностямъ, мы видимъ:

а) Русск. *лз*=*ол*=польск. *eł*, *oł* (иногда лужицк. *oł*, полаб. *au*)=чеш. *l* составляющему слогъ, и вообще согласіе между нарѣчіями почти полное:

лзлнз—полнъ, польск. *pełny*, *pełen*, в.-луж. *roŋny* (*rowné*), н.-луж. *roŋny*, *rownu*, *řeŋniś*, полаб. *raun*, *roun*, по Шлейхеру *raun*., чеш. *plný*.

злзла (*lana*)=волна, польск. *wełna*, в.-луж. *wołma* (*wowma*), н.-луж. *wołma* (*wałma*, *wawna*), полабск. *wauno*, по Шлейхеру *wáuno*, чешск. *vlna*.

злзла (*fluctus*)=волна, ст.-польск. *wełm*, (Пс. Марг.) *wełn*, *wełna*, чешск. *vlna*.

болтатъ (бѣлт), *бѣлкатъ*, *болкнутъ* (молвить глупое слово), польск. *bełk oł* и проч.

хол(б)лутъ (обл.—хѣлб), колыхнуть, польск. *chełbać*.

лзлсти, ползти, ползать, польск. *pełzać*, *pełznąć* (ити—о волосахъ), чешск. *plzniti*.

колбъ (*кзлбъ*), польск. *kiełb'*—рыба.

болботатъ (в. русск. бормотать, болтать пустое), польск. *bołbotać* (мутить, мѣшать жидкость), чеш. *blbati* (бормотать, заикаться), *blb*—дураковатый.

кзлтъкзъ, м.-русск. ковткі (серги), польск. *kołstka*.

колтузъ (кѣлт—), польск. *kołtun*, слово, которое можетъ, однако, быть и заимствованнымъ изъ русскаго: «*gościec, wieszczycze, krzyczycze, albo Ruski kołtun*» (у Линде).

злзз—?, польск. *zołza*, родъ конской болѣзни, чирей, н.-луж. *załze*, *zawze*, опухшія желѣзы, в.-луж. *zawza*.

мѣлня, полабск. māuņa (Schleicher), ст.-чеш. mlň.

б) Русск. *гл=ол*=польск. eł и oł, чешск. lu:

хѣлмъ—холмъ, польск. chełm, в.-луж. chołm, чеш. chlum.

пѣлкъ—полкъ, польск. pełk въ Swiętopełk и pułk (въбродно, изъ рółk), чешск. pluk.

гѣлкъ—голкъ, ст.-польск. giełk, н. польск. zgiełk, чешск. hluk.

колзатъ, холзатъ (обл.=къз), польск. kiełzać, kiełznąć się, чешск. kluzeti, скользнуть.

мѣлвити—молвить, польск. mówić изъ mołwić, в. луж. mołwić, чешск. mluviti.

Польск. *іе* въ *kiełb*, *zgiełk* и проч., совершенно равносильно съ *е=з* и возникло изъ твердаго *е=з*, какъ въ *kiedy*, стар. *kedy*=къ-ды, въ силу наклонности гортанной къ переходу въ гортаннонебную.

Нѣкоторое отклоненіе отъ предыдущихъ представляетъ слово *колбаса* (кълб-), польск. kiełbasa, н.-луж. kowbas, н. луж. kiełbas, kiawbas, но чешск. klobasa.

в) Русск. *гл=ол*=польск. ło, луж. ło и łu, чешск. lu:

сѣлнце—солнце, польск. słońce, в.-луж. słońco, swońco, н.-луж. słuńco, słuńco, чешск. slunce, словацк. slnce. Если въ полабскомъ не окажется *au*, то это почти единственный случай, въ коемъ русская форма съ *гл=ол* стоитъ въ ряду сравниваемыхъ нарѣчій уединенно.

г) Русск. *гл=ол*=польск. łu, луж. łu и oł, полаб. au, чешск. lu.

дѣлгъ—долгъ, польск. dług, н.-луж. dług, dwug, чешск. dluh; но в.-луж. dol, dów (изъ dowh), полабск. daug, по Шлейхеру dāug.

дѣлгъ—долгій, польск. długi, н.-луж. dŕujki, dŕejki, dwejki, чешск. dlouhý (dlúhý); в.-луж. dołhi, dowhi, полабск. daudja, по Шлейхеру dāug'ý.

дѣлбти—долбить, долбать, польск. dłubać, н.-луж. dŕupaś, dwupaś (изъ dŕubać), чешск. dlubati; но в.-луж. dowbać.

тэлчи, польск. *łus*, н.-луж. *łukaś*; но в.-луж. *tośc*.
тэлстэ—толстѣ, польск. *łusty*, чешск. *tlustý*, н.-луж. *łusty*, *kłusty*; но в.-луж. *tośty* (*towsty*), полабск. по Шлейхеру *tąstý*, *tust*

стэллэ—столпѣ, польск. *słup* (изъ *słup*), н.-луж. *słup*, чешск. *sloup*; но в. луж. *stołp*, *stowp*, *stup*.

тэлна—толпа, польск. *łum*, чеш. *tlupa*.

толмачэ, польск. *łumacz*, врусск. *втолмить*, втолковать, внушать (ср. съ лит. *tar-ti*, говорить, аумать, *tar-ma*, рѣчь, *isztarme*, изреченіе, *pra-tar-me*, предисловіе, *su-tar-me*, соглашеніе, условіе; ср. *тэл-кэ*).

д) Русск. *эл*=*ол*, польск. *il*, полабск. *au* чеш. *l*:
вэлкэ, польск. *wilk*, в.-луж. *wjelk*, н.-луж. *welk*, полабск. *wauk*, *wuk*, чешск. *vlk*.

вэл—волгло (сыровато), м.-русск. *вохкий* (изъ *вовгкий*), польск. *wilgoć*, *odwilż* и проч. Чешск. *vlh*; в.-луж. *włoha*, *włóha*, *wuha*, н.-луж. *łoga*, относятся не сюда, а къ Русск. *волога*.

мэлк—молчать, польск. *milczeć*, в.-луж. *mjelčeć*, н.-луж. *melčaś*, полаб. причастіе наст. времени *māučaśi*, чешск. *mlčeti*.

полстэ, польск. *pilśc*, чешск. *plst'*.

иволга (-вѣлга), польск. *wilga*, *wywilga*, чешск. *vlha*.

Полабскія формы съ *au*=*эл* и отчасти н.-луж. (*welk*) показываютъ, что и для польскаго слѣдуетъ принять здѣсь основную форму *эл*, при чемъ мягкость замѣны *э* посредствомъ *i* и *ie* въ польскомъ и в.-лужицкомъ слѣдуетъ приписать (какъ въ польскомъ *kiedy*, *kieł*, *kierz*) влиянію предыдущей согласной, въ настоящемъ случаѣ губной, въ польскомъ языкѣ наклонной къ переходу въ небно-губную. Нужно думать, что въ первое время по замѣнѣ въ польскомъ *э* черезъ *i* за нимъ слѣдовало еще *ł*, а не *l*: сначала *wiłk*, потомъ *wilk*. Ошибочно непосредственное сближеніе *i* въ этой формѣ съ *i* въ литовскомъ *wilks*.

В. *гр* и *ьр* между согласными.

Уже говоря о случаяхъ *крѣстэ*, *слѣза*, мы перешли въ область вопроса, который несуществуетъ для те-

оріи гласности *p*, *л* (Mikl. Vergl. Gr. I, 41), но не для насъ, именно—въ область вопроса о различіи *э* и *е* при плавныхъ. Я думаю, что какъ безразличіе случаевъ *крѣстѣ* и *трѣзѣ* относительно мѣста глухого звука, такъ и безразличіе *трѣзѣ* и *трѣнѣ* относительно ихъ качества, суть явленія не общеславянскія, а позднѣйшія. Къ этому заключенію можно прійти съ двухъ сторонъ: съ точки сравненія русскаго языка съ польскимъ, лужицкими и полабскимъ и на основаніи однихъ старославянскихъ задунайскихъ памятниковъ.

а) Русск. *зр=ор* въ польскихъ, лужицкихъ и полабскомъ или имѣетъ при себѣ твердую замѣну ера, или предполагаетъ ее тамъ, гдѣ мы находимъ мягкую. Въ большинствѣ случаевъ въ польскомъ языкѣ здѣсь *ar* и на оборотъ польск. *ar=чешск. г* заставляетъ ожидать въ русск. *ор*: польск. *barki*, плечи, чешск. *brk*, маховое перо, русск. *барка*, *борк?* *борщѣ*, польск. *barszcz*, куда, быть можетъ, относится и н.-луж. *baršć*, нѣмец. *Forste* (имя города); *борз*—польск. *bardzo*, *barzo*, в.-луж. *bórzny*; *хортѣ*—польск. *chart*, н.-луж. *chart*, в.-луж. *chort*; польск. *charkać*, н. луж. *charchnuś*; *горбѣ*—польск. *garb*, в.-луж. *horb*; *горло*—польск. *gardło*, в.-луж. *hordło*; *гордѣ*—польск. *gardzić* (между тѣмъ какъ *h* въ *hardy* несогласно съ польскою фонетикою), в.-луж. *hordy*; *горнецѣ*, горшокъ=м.-русс. горшѣкъ (изъ горнчѣкъ), польск. *garnek*, *garniec*, полабск. *gōrñak*, по Шлейхеру *gārnāk*, в.-луж. *hornc*, *hornik*; *горт* (м.-русс. горнути, при гортати), польск. *garnać*; сюда же *горсть*, польск. *garść*, в. луж. *horść*; польск. *karćić* (?); мр. *карта ти* («Вона мене не бѣе, не лае, Вона мене словомъ картае» н. п.) заимствовано; польск. *kark*, в.-луж. *kerk*, *kyrk* (?); *кормѣ*, польск. *karmia* и проч. в.-луж. *korm*; польск. *karpa* (корчѣ), *karpić się* (=bryłować się, o ziemi); сюда, быть можетъ, *Karpaty*, *Karpat* (гора) (?); *корпнѣ*, польск. *karpić nad czém*; *корчѣ* (пень), польск. *karcz*, в.-луж. *kurc*; сюда же *корчма* (съ первоначальнымъ значеніемъ осыдлости: «сидѣть на корю»), польск. *karczma*, в.-луж. *korčma*; польск. *karw* (старый волъ);

польск. Karwat (Хорватъ); польск. mardać, margać (ви-
лять хвостомъ, сербск. мрдати, врдати); моркотно,
польск. markotno; в.-луж. morkotać (ворчать); польск.
marcha (плохая кляча, падалъ), чешск. mrcha; морщить,
польск. marszczyć, в.-луж. moršćić; портъ, польск.
part, partacz (плохой портной); польск. parskać и луж.
parskaś, (фыркать); порекъ, польск. parsk (жаръ); смор-
чокъ, польск. smardz, smarz, н.-луж. smarżl (чешск.
smrž, smrha); сморкать, польск. smarkać, в.-луж.
smarkaś; торизъ, польск. targ, в.-луж. torh; — торгать,
польск. targać, в.-луж. torhać, н.-луж. tergaś, полабск.
dargne, по Шлейхеру tãrgne, er hechelt; и русск. тор-
кати, н.-луж. starcys, starkaś (толкать); ворчать, поль.
warczeć, н.-луж. warčaś; Воризъ (польское личное имя
въ Ипатьевской летописи), польск. Warsz, откуда War-
szewa, Warszowa, нынѣ искаженное и непонятное отно-
сительно второго а Warszawa. Небность г. к, въ ниж-
не-лужицкомъ gjarb, gjardło, gjardy, gjargn—gjanc,
gjarść, kjarčma, kjarmiś предполагаетъ формы=польск.
ga, ka и есть явленіе столь же позднее, какъ и неб-
ность к въ польск. kieł=кълъ (клькълъ). Къ разряду
словъ съ гр=польск. аг отнесены въ польск. и займ-
ствованныя слова, въ коихъ новый верхне нѣмецкій
языкъ представляетъ ег: польск. karb (откуда м. русск.
карбовати), karbacz, warchlak, marchew' (н.-л. marchej,
в.-луж. morchwa, чешск. mrkev, морковь).

Гораздо рѣже на мѣстѣ гр въ польскомъ ог, уг,
гу, ег, уг. Ог въ польскомъ, въ отличие отъ в.-луж.,
даже сомнительно, такъ какъ korczować (при karczować)
можетъ быть руссизмомъ, равно какъ и portki (при part),
storczeć (при stark, sterk, styrk—что торчить и въ
этомъ смыслѣ—помѣха, starczeć, stérczeć, styrczeć);
korczak и kord могутъ предполагать ор, а не гр.

Уг въ польскомъ kurcz, kurcz, kurczyć (корчить),
purchawka (в.-луж. porchawa, lycoperdon, русск. пор-
ховка, порховица, порхлякъ; между тѣмъ польск. gróch-
no=русск. порохно, порохня), szturchać (м.-русс.
штовхати), kurp' (лапотъ, постоль, сербск. крплъе—родъ

лыжъ, чешск. křes; сюда—польск. Kurg—имя жителей нѣкоторыхъ поселеній около Цѣханова и Ломжи).

Ru въ польскомъ pruchawka (при purchawka), mrugać (моргать, при margać), mrukać (при markotać) аналогично съ Ju въ dług (при основномъ дългъ) и подобно этому Ju заставляетъ предположить основное z передъ плавною.

Польское eg (откуда, по видимому, ég, yr)=*ep* аналогично съ eł (pełny)=*эл*: sterczeć, stérczeć, styrczoć; merskać (н.-луж. marskaś, чешск. mrskati, сѣчь розрами, хлестать); ст.-польск. mercha, myrcha (при marcha, падалъ, распутная женщина).

Старопольское kirsć («łędźwie abo kirsć, za którą ubranie zachodzić ma») можетъ предполагать *кърсть* (а не кырсть) и въ такомъ случаѣ относительно *і* сходно съ wilk.

б) Замѣны *ьр*.

Если имѣть въ виду только одинаковость замѣны глухаго звука въ польск. marłwy и marszczyć, то попытка подтвердить польскимъ языкомъ древность различія между *ь*, *з*, указываемаго русскими формами *миръзъ* и *мърщити*, покажется напрасною. Однако дѣло это на такое отчаянное.

а) Прежде всего бросается въ глаза нѣкоторое число случаевъ, въ коихъ русскому *ьр*=*ер* въ польскомъ языкѣ соответствуетъ только ier (ierz), iar, то-есть, eg, ag съ предыдущею небною согласною. Слѣдуетъ обратить вниманіе на то, что на мѣстѣ русск. *ьр*=*ор* мы въ польскомъ этихъ сочетаній ier, iar вовсе не встрѣчали. Сравнимъ: *бървно*, польск. bierwiono, bierzmo; *стерня*, польск. ścierni, ćierni, в.-луж. ścierńišo. н.-луж. ściernie; *тырн*, — польск. ćierpieć, в.-луж. ćerpić, н.-луж. śerpić; *тырн*—терпнуть, польск. ćierpiąć, ćierpić, существ. ciarki (мурашки по тѣлу), н.-луж. ścierpniś (съ....); *сверчокъ*, польск. świerszcz, świercz, ćwiercz, в.-луж. świerć, н.-луж. swierc; сюда же польск. ćwierczeć, н.-луж. śćirćeś (то-есть, śćwirćeś); *дыр*, польск. dzierg (узелъ), dziergać; *деркачъ*, польск. dzier-

kacz (и derkacz, которое может быть руссизмомъ); *държати*, польск. *dzierżeć*, в.-луж. *dźeżać*; н.-луж. *žaržaś*; *мырк*—польск. *zmierzch*, в. луж. *so smerka*; *мырс*—польск. *mierzić*; в.-л. *mjerzać*; *мыре*—м.-русск. мерва, мервиця, польск. *mierzwa*, н.-луж. *m'erwa*, чеш. *mrva* (вымолоченная солома, околотъ); *мырд*—польск. *pierdzieć*, *piardnać*, в.-луж. *p'erdzić* (pie...), н.-луж. *p'erd* (*pierd*), *p'erdnuś*; *мырси*—польск. *pierś*; *мырсть* (прахъ, земля), в.-луж. *p'jerść*; *мыре*—польск. *pierw*, *pierwiej*, *pierwszy*, н.-луж. *p'erv*, *p'ervej*, *p'erej* и проч; *периа*, польск. *pierzga*; *мырх*—польск. *pierszyć*=чешск. *pršeti*; *стерво*, польск. *ścierw*, в.-луж. *šćerb*, н.-луж. *šćierb*, *červišćo*; *сырнз*, польск. *śierp*, в.-луж. *serp*, н.-луж. *šerp*; *на сербз*, польск. *pašierb* (ср. в.-луж. собств. Serb. Serbski, н.-луж. Serbski, Serski); польск. *sierść*, *śierć*, в.-луж. *serstka*; польск. *sierszeń*, *szerszeń*, в.-луж. и н.-луж. *šeršeń*; польск. *świerzbicę*, в.-луж. *š'v'erbić*; *сыркз* (?)—польск. *świerk*, (между тѣмъ какъ польск. *smrek*, *smrok*=м.-русск. смерекъ, ст.-слав. смрѣкъ); *верша*, польск. *wiersza*; *wierzba*, в.-луж. и н.-луж. *vierba* (*ŕverba*); польск. *wierzch*, в.-луж. и н.-луж. *wierch* (*werch*); *верг*—польск. *wierzgać* (лягать), н.-луж. *ŕergaś* (бросать); польск. *ziarno*, *ziernisty*, полаб. *ziorní*, *ziurní*, по Шлейхеру *žárnü*, н.-луж. *zerno*, в.-луж. *zorno*; *зерцало*, польск. *zwierciadło*.

Слова съ основнымъ *ьр* послѣ шипящей, вслѣдствіе твердости этой послѣдней въ польскомъ, имѣютъ въ этомъ языкѣ не *ier*, а *er*: *чърмьнз*, польск. *czermieniak* (растение); *чзерпае*; *чзерстwy*, в.-луж. *čerstwy*; *чзерw'* *чзерwień*, *чзерwony*, в.-луж. *čerw*, *čerweny*, н.-луж. *cerv*, *cerv'eny*, *cer'eny*; *шчерerb*, н.-луж. *ščerba*, *ščerbi-na*; *žerdź*, в. луж. *žerdź*, н.-луж. *žerž*. Сюда жъ относятся польск. *cerkiew* и *serce* (такъ уже въ XV в. *serce*). Первое совершенно правильно, такъ какъ основное с въ польскомъ постоянно твердо; вмѣсто втораго можно бы скорѣе ожидать *šierce*, но *ie* находимъ только въ *šierdzie się*. Сходство словъ, какъ польск. *czergwony*, относительно замѣны глухого звука, съ тѣми немноги-

ми, въ коихъ *зр* = польск. *er* (*sterczeć*), только мнимое, потому что если бы въ послѣднихъ польскихъ словахъ была замѣна *зр* (а не *зр*), то мы имѣли бы *ścierczeć*, а не *sterczeć*.

Какъ въ великорусскихъ говорахъ, наклонныхъ къ неорганическому смягченію гортанныхъ и губныхъ, въ случаяхъ, гдѣ основное *зр* стоитъ передъ губнымъ или гортаннымъ звукомъ, этотъ послѣдній смягчаетъ предшествующее *р* (верхъ, = *v'er'sh*, червь, = *č'er'v*); такъ и въ польскомъ *г* (въ сочетаніи основ. *зр*) передъ *ch*, *g*, *m*, *b*, *w* (не воздѣ) смягчается въ *гj* = *гz*: *wierzch*, *źmierzch*, *pierzga*, *wierzgać*, *bierzmo*, *mierzwa* (но *czegwony*), *swierzbi*, *wierzba* (но *pasierb*). Хотя, по сказанному, *гz* условлено слѣдующею согласною, однако оно было бы невозможно, если бы въ основной формѣ стояло не *зр*, а *зр*, какъ напримѣръ, въ *paгch*.

ier = *зр* въ польскомъ не непосредственно примыкаетъ къ *зр*, а черезъ посредство другого сочетанія. Это *ier* оказывается болѣе позднимъ, чѣмъ другія польскія замѣны глухого звука при плавномъ. Именно въ польскихъ памятникахъ XV вѣка замѣны сочетаній не только *рз* (*krwie*, 1 слогъ), *лз*, *рѣ*, *зр* (*ar*), *зл* (*eł*, *łn*, *il*), но и *зр* = польск. *iar* (въ перев. Вислицк. стат. 1449 г. *szarna*, *zarna* = *źiarna*, *Lelewel*, *Księgi ustaw*, 61), вообще такія, какъ и нынѣ; но на мѣстѣ, нынѣшняго *ier* = *зр* съ большимъ постоянствомъ ставится *ig*. Такъ въ переводѣ статутовъ (*Lelewel*, *ib.*) читаемъ: *pyrzwej*, *pirwe*, *pyrwym*; *dzirzan*, *odzirzi*, *dzirzec*, *dzirżewcza*; *czyrącemu*, *sczirzpy* (нынѣ *ścierpi*); *gena*, *cziwirtnya* (= *ćwiertnia*), *czwirdzancz*; *ku myrszaczcz* (= *ku mierzaczcz*); *czyrwonoszcz*; *cirkew* и пр. Тоже и въ другихъ памятникахъ того времени (*Maciejowski*, *Dodatki do piśmennictwa*, *passim*) и раньше, въ Псалт. *Mapr.*, гдѣ читаемъ: *cirzpec*, *czyrpfocy*, *czirw*, *czwyrda*, *pirweneecz*, *porczwirdziecz* (и *czwerdziecz*) *posquirnocz* (*contamirare*) *swirzchu*. Линде занесъ въ свой словарь, какъ архаизмы, *mirk* = *mirsch*, *czirwienić*, *czyrwiwy*, *wirsza* и нѣкоторыя другія. Впрочемъ, уже въ XV вѣкѣ нахо-

димъ при *ir* и *ier*: *dzyerzelij* (Maciejowski, 108=*dzier-
żeli*) и проч. Я считаю это *ir=ъr* за особенность фо-
петическую, а не графическую, и такое мнѣніе едва ли
можемъ быть опровергнуто тѣмъ, что и основное *ie*
(=*ѣ*, *ю*) кое-гдѣ изображается въ видѣ *i*, *y*: *dzywka*
(Maciejowski, 110), *wylkosc* (ib. 108), *ogarnyenyum*,
ryenyum (ib. 161). Въ этихъ случаяхъ тоже слѣдуетъ
предположить произношеніе, близкое къ *i*. Нѣсколько
случаевъ съ *ir=ъr* есть въ полабскомъ языкѣ: *dirze*
(по Шлейхеру *dirzi*, дѣржить), *dirzol są*, *wirgene*, *wir-
genunt* (вѣргнеть, вѣргнѣти), *waspirgene* (=польск.
piezgnie, лопнеть, треснеть), Шлейхеръ, *Polab. Spr.* 33.

Въ чешскомъ языкѣ сочетаніямъ *ъr* и *ъr* послѣ
какой-либо согласной, кромѣ шипящей, одинаково со-
отвѣтствуетъ *g* (*trh*=тѣргъ, *trn*=тѣрнъ), такъ что въ
этихъ случаяхъ чешскій языкъ—со счетовъ долой; но
ъr послѣ шипящей и, повидимому, вслѣдствіе ея вліянія
въ чешскомъ языкѣ замѣнилось посредствомъ чистаго
e+r: *čermák*, *čermný*, *černý*, *čerpák*, *čerství*, *čert*,
červ, *červený*, *šterba*, *šterk* польск. *szczerk*, дресва),
šerpivý (шерсткій), *žerd*, *žerna*. Послѣ *s* стоитъ не *er*,
а *r*: *srst'*, *sršén*.

б) Чередованіе *ier* и *iag*, *ag* (=ъr) въ польскомъ
языкѣ.

Относительно такихъ случаевъ, какъ польск. *ziagno*
и *ziernisty*, я того мнѣнія, что въ послѣднемъ словѣ
ier хотя и передаетъ болѣе древняго произношенія
ir, а тѣмъ менѣе *ъr*, но болѣе близко къ этому послѣд-
нему, чѣмъ *iag* въ *ziagno*.

Если въ *ziernisty*, видѣтъ случай регрессивной ас-
симилаци, то-есть, вліянія послѣдующаго слога на пре-
дыдущій, то здѣсь вліяніе мягкаго слога состоитъ не
въ приближеніи *iag* къ *i*, а лишь въ удержаніи сочета-
нія, происшедшаго изъ *ъr*, на степени болѣе близкой
къ *i*, чѣмъ *iag*. Поэтому съ такимъ же или съ еще
болѣе большимъ основаніемъ можно назвать *iag* ассимиляціей,
подъ вліяніемъ слѣдующаго твердаго слога.

Нѣчто совершенно сходное съ этимъ—въ измѣне-

ни въ южн.-вел.-русск. основнаго *е*, (*іе*) ударяемаго въ *ѣ* (*jò*) передъ твердымъ слогомъ: хотя *вѣлі* отличается отъ основной формы большею мягкостью *е*, или точнѣе большею небностью предыдущей согласной, но все жь эта форма ближе къ основной *вели*, чѣмъ *вѣл* (*v'ol'*). Въ польскомъ языкѣ измѣненіямъ, аналогичнымъ съ *ziarno—ziernisty*, подчинено основное *е* (*wiedli—wiodl*, *weselszy—wesoły*; въ послѣднемъ *о*, а не *jo*, какъ въ *serce е*, а не *іе*) и основное *н*. Не *іа*, а въ *biały*, *sały* измѣняются въ *іе*, *е* (*biel*, *celc*, цѣликъ, цѣлина) подѣ вліяніемъ слѣдующей мягкой согласной, а напротивъ *іе*, *е* удерживаются слѣдующею мягкою согласною на степени болѣе близкой къ первоначальному произношенію *н*, чѣмъ другая замѣна этого *н*, именно *іа*, а. Одинаково съ согласными явственно небными дѣйствуютъ въ польскомъ на *н* тѣ согласные, которыхъ небность, такъ-сказать, скрыта, то-есть, которые и непринимая той ярконебной окраски, какая, напримѣръ, въ *b* (*golab'*), тѣмъ не менѣе близки къ небности. Таковы губные и гортанные: *chléb* (а не *chliab*), *grzech* (а не *grzach*). Доказательствомъ того, что исходною точкою для польскаго языка было произношеніе *н* не за *іа*, а за звукъ близкій *е*, хотя и отличный отъ него (какъ и для русскаго языка), служить, во-первыхъ, удержаніе *іе*, *е*=*н* на концѣ словъ, а во-вторыхъ то, что основное *іа*, равно какъ и *іа* (*ја*), стяженное изъ *на*, *нѣ*, по правилу, неподлежитъ вліянію слѣдующаго мягкаго слога и остается передъ нимъ неизмѣннымъ: *zapal'ć*, *zapalali*, *zapalał*; *chwiać* (=хвѣтити), *chwiali*, *chwiał* (*Małeski*, *Gram.* § 70), такъ что лишь немногія слова съ основнымъ *іа* (resp. а послѣ шипящихъ) увлечены аналогіей съ *н*: *czasza—czosńnik*. Сходство отношеній старо чешскаго *viase* къ новому *vis* и польскаго *biały* къ *bielić* лишь поверхностное, ибо чешск. *іа*=*м* болѣе древне и близко къ основному произношенію *м*, чѣмъ чешск. *і*=*м*; между тѣмъ въ польскомъ на оборотъ *іе* въ *biel* болѣе близко къ основному *н*, чѣмъ *іа* въ *biały*. Съ тѣмъ, что говорить

объ этомъ г. Дювернуа (Система основныхъ элементовъ и формъ слав. нарѣчій, 43), молчаливо слѣдуя Миклошичу (Vergl. Gramm. I, 460), именно, что *siedli* происходитъ изъ *siadŭ*, я несогласенъ, ибо, кромѣ вышеприведеннаго *czeſnik*, всѣ остальные примѣры съ *ia* — *ie* (*ludojedź*, *jeſć*, *jedli*, *jedziesz*; у Миклошича еще *niedźwiedz*, *drzeć*) обнаруживаютъ чередованіе *ie* и *ia*, потому что имѣютъ основное *ъ*, а не *ia*. *) Что же касается *czekać*, при чадти, то *e* въ польскомъ словѣ нисколько не сходно съ *e* изъ *a=ia* — *мъ czeſnik* и есть основное, общеславянское *e*. Извѣстно, что здѣсь и русск. («быть на чеку» — ошибочно у Даля «на чику» якобы — отъ *чикъ*), и сербск. (чекати) имѣютъ *e*.

Ныѣшнему твердому произношенію шипящихъ и *rz=r* въ польскомъ предшествуетъ произношеніе болѣе небное, явственные слѣды коего есть еще въ XV вѣкѣ (*zyądaly* 1449; *uźrwała=uźrzała* 1450 и т. п.). Поэтому *a* и *e* (=ь) послѣ шипящихъ (*czarny—czern*) этимологически равносильны съ *ia* и *ie=ъ* въ *ziarno—ziernisty*, и сходство между *czarny* и *targ* относительно замѣны глухого звука только мнимое. Гораздо болѣе отклоненіе отъ случаевъ *ziarno—ziernisty* представляютъ тѣ слова, въ коихъ и послѣ согласныхъ нешипящихъ *ier=ъr* чередуется не съ *iar*, а съ *ar*: *twierdzić—twardy*.

Основываясь на случаѣ, впрочемъ рѣдкомъ, какъ стар.-польск. *miartwy* («*myarthwe a dokonane rzeczy*» 1449 г., *Lelew. księgi ustaw*, 42) вмѣсто нов.-польск. *martwy*, а равно и на полабскихъ формахъ: *eum'artŭ* (въ польск. было бы *umarty*), *tjardŭ* (польск. *twardy*), *setjartŭ* (*zittjoarte*) (*Schleicher, Polab. Spr. § 17*), можно думать, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ въ польскомъ сначала *ъr* передъ твердымъ согласнымъ замѣнилось че-

*) Въ часъ сочетаніе *ча* — общеславянское, но оно предполагаетъ основную дославянскую форму *кайса-с* (*Fick. Wb.*² 46). Возможно поэтому, что чередованіе *a* и *e* въ польск. *czas—wczesny*, *docz—śny* условлено чутъемъ этимологическаго тождества этихъ звуковъ съ *ъ*, какъ въ *drzeć*, *drzał*.

резъ *iar*, а потомъ это *iar* отвердѣло: *мъртвыи*, *miartwu*, *martwu*. Этого предположенія я необобщаю. Въ другихъ случаяхъ, между прочимъ тамъ, гдѣ не только въ польскомъ, но и въ лужицкихъ и полабскомъ замѣна тверда, можно допустить переходъ *ъ* въ *з* до замѣны глухого звука чистымъ. Разсматривая польскій языкъ въ нынѣшнемъ его состояніи, нельзя сказать, чтобъ этотъ предполагаемый переходъ *ър* въ *гр* совершился непремѣнно подъ вліяніемъ слѣдующаго твердаго слога. Напротивъ того, есть возможность думать, что во время этого перехода регрессивная ассимиляція, какую мы видимъ въ *wiódł—wiedli*, *biały—biel*, *czwarty—ćwierć*, еще недѣйствовала. Предполагаемый переходъ возникъ тогда, когда въ польскомъ *d*, *t* передъ мягкими гласными еще сохранили свое произношеніе и неизмѣнились въ *dź*, *ć*; въ противномъ случаѣ мы имѣли бы формы въ родѣ *carćica* вмѣсто наличной *tarćica*. Такъ какъ различіе двухъ указанныхъ возможностей (то-есть, перехода *iar* (= *ър*) въ *ар* и перехода *ър* непосредственно въ *гр* и затѣмъ въ *ар*) въ частности кажется затруднительнымъ, то я приведу примѣры чередованія *ier* и *ар* = *ър*, не пытаясь распредѣлять ихъ по этимъ разрядамъ: *тыр*—, польск. *ćierlica*, но *tarł*, *tarli*, *tarty*, *tarka*, *tarćica*, *tarlica*, (= *ćiarlica*), н.-луж. *tarlica*; *тырн*—, польск. *ćiern* (н.-луж. *śiern*) и *tarnie*, *tarnina*, *tar(n)ka* (н.-луж. *tarnik*, но и съ мягкою замѣною *ternik*, *ternka*); полабск. *drên* (*dorn*) можетъ относиться не сюда, не къ *тырнъ*, а къ *дрънъ*, русск. *дерень*; *четвърт*—, *ćwierć*, *ćwiertować* и *ćwiartować*, *czwarty*, в.-луж. *štwórty*, н.-луж. *stworty*; *чырн*—, польск. *czern*, *czerńić*, *czerpiejszy* и *czarny*, н.-луж. *carny*, в.-луж. *čorný*, полаб. *czurna*, *czorna*, *corna*, по Шлейхеру *c'arnŭ*, то-есть, съ мягкимъ *ц*; *дыр*—, польск. *zdźwierstwo* и *darł*, *darli*, *darty*; сюда жъ и *дырнъ* (верхній пласть, проросшій травой, *сдираемый* съ цѣлины), польск. *darń*, *-ia* и *-iu*, в.-луж. *dern*, *derno* и *dorn*, н.-луж. *dern* муж. рода и *derno* среднего; *дырз*—, *dziarski* и *darski*; *мыр*—, польск. *śmierć*, *umarł*, *umarli*, *umarły*, *martwy*, в.-луж. *śmierć*,

mordwy, н.-луж. śmieré, humarŷy; *нѣрх* — (перхоть и проч.), польск. pierzchnice (родъ сыпи) и parch, park, parkot (русс. *парша* повидимому изъ польск.), н.-луж. parch; *нѣрстѣ*, польск. pierścień, pierść (шепотъ) и naparstek, в.-луж. pierśeń, porst, н.-луж. pierścień, полабск. porstin, parstin, по Шлейхеру, pârstin; *смѣрд* — польск. śmierdzieć, smierd, smard, в.-луж. smierŷu, smierdŷawu, н. луж. smierźieś, полабск. smârde, по Шлейхеру smârdŷ; *твѣрд* — польск. twierdzić, twardy, н.-луж. twardy, twarziś, в.-луж. twerdy; *вѣрт* — польск. wiercieć, (н.-луж. wiercieś) и wart (zakręt głównego nurtu rzeki), wartki.

γ) Въ польскомъ одно ат=вр.

Подобно тому, какъ въ вышеприведенныхъ примѣрахъ, еслибъ и небыло въ польскомъ чередованія іер и ат (twiedza, twardy), мы для ат приняли бы за основную форму *вр*, основываясь на согласіи русскаго твѣрд=тверд—съ в. луж. twerdy и полабск. tjårdŷ; подобно этому мы заключаемъ и въ слѣдующихъ случаяхъ: польск. czart, н.-луж. cart, но в.-луж. čert, чешск. čert, русск. чѣрт=чѣртъ: польск. marznąć, н.-луж. marznuś, полаб. marze, marzne (мерзнетъ), но в.-луж. mierznuć, полаб. ejmerzon (ist gefroren), русск. мерз=мѣрз.—

Бываютъ случаи, когда слова, несомнѣнно родственныя между собою, имѣютъ въ корнѣ при плавной одни ъ, другія з, напримѣръ, м.-русс. *мерицій* (скороѣ, отъ значенія стегать, хлестать, какъ и нарѣчія *шибко*, *хлестко*) предполагаетъ форму *мѣрск*, что и подтверждается н.-лужицкимъ m'ersno (miersno), m'ersnej, скоро, -ѣй; но м.-русс. *морсѣкати*, стегать, южн. в.-русс. *морснутъ*, стергнуть, ударить, польск. merskać (=чешск. mrskati), н.-луж. marskaś, съчь, стегать розгой, а равно и н.-луж. marsny, maŷny, скорый, быстрый, предполагаютъ *мѣрск*. Здѣсь первенства одного изъ двухъ еровъ мы доказать неможемъ; но такіе случаи рѣдки, и обыкновенно или одно з, или одно ъ проходить черезъ весь рядъ словъ, ближайшимъ образомъ сродныхъ. Основываясь на этомъ, мы разсуждаемъ

такъ: если Русскій языкъ доселѣ оказывался вѣрнымъ руководителемъ при отыскиваніи основнаго сочетанія *ѣр*, то мы полагаемся на него и въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ его свидѣтельство не находитъ поддержки въ другихъ сравниваемыхъ нами нарѣчіяхъ. При этомъ неутверждаемъ, чтобы такая поддержка и немогла быть найдена: въ однихъ словахъ она просто намъ неизвѣстна (*бердо* ткацкое, польск. *bardo*; *берлога*, польск. *barłog*, н.-луж. *barłog*, в.-луж. *borłō(h)*); *нѣр*—польск. *parł*, *parły*; *серна*, польск. *sarna*, н. луж. *sarna*, в.-луж. *sorna*; *верста*, польск. *warsta*, *warstwa*); для другихъ (какъ польск. *żarłok*, *zażarty*, *żarna*) ниже приведемъ основанія, требующія и независимо отъ русской формы *жер* предположенія основнаго *ѣр*. Уже изъ предыдущаго видно, что переходъ *ѣр* въ *ѣр* (или же переходъ мягкой замѣны *ѣ* въ твердую?) имѣетъ мѣсто не въ одномъ польскомъ, но и въ лужицкихъ и, прибавляю, въ полабскомъ, гдѣ: *czerwena*, но и *carwena* (Шлейхеръ нераздѣляетъ этихъ формъ и ставитъ вмѣсто обѣихъ твердую замѣну глухого звука: *carwenŋ*); *cartiw*, *carł'aj* (по Шлейхеру *carłkūw*), стар.-польск. *cirkiew*; *sarsin*, по Шлейхеру *sarsin*, шершень; *wārch*, *wārsak* (верхъ, вершокъ), *wārchene* (по Шлейхеру *wārchni*, верхній); *рага*, по Шлейхеру *raŋŋ*, первый. Впрочемъ, какъ я старался показать, эти нарѣчія далеко недоходятъ до того почти полнаго отождествленія *ѣ* съ *ѣ*, какое находимъ въ сербскомъ. Нижне-лужицкое здѣсь весьма близко подходитъ къ польскому, замѣняя *ѣр* черезъ *ar* (*chart*, *gjarb*), *ѣр* частью посредствомъ *ar* (*twardy*), частью посредствомъ *ier* (*v'er'ch*). Въ в.-лужицкомъ *ѣр*=*or* (*horb*), *ѣр*=частью *er* (*twerdy*), частью, преимущественно, но не исключительно передъ твердыми—*or*: *porst*, *štwórty*, *worsta*, *sorna*, *borłō(h)*, *mordwy*, *dorn*, *worcu*, *štwóré* (Mikl., V. Gr. I, 488). Слѣдуетъ полагать, что въ этомъ нарѣчій *o*, замѣняющее *ѣ* въ *ѣр* (*žorłō*, *čorny*) и въ другихъ случаяхъ (*pos*, род. *psa*, *šof* (шьль), *lohki*) возникло изъ *ie* подобно тому, какъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ и основное *e*, и *ie* изъ *ia* (на концѣ) измѣняютъ

ся въ *o* (*lód*, *póła*, *pałos*, *polo*, *płomjo*), и что *žórło*, *čornu* предполагають такія же формы съ *er*. какія мы дѣйствительно находимъ въ *čerstwy*, *žerdź*, *šérb*, *čert*. Въ польскомъ языкѣ число словъ съ *or* = *ьr* весьма незначительно, сравнительно съ тѣми, гдѣ *ur* = *ar*: *sorbać* и *serbać*, но *sarbać*, *sarkać* (хлебать), м.-русск. сѣрба-ти; *szorstki* и *szerstki*, *sierśé*.

В. *ыл* послѣ *шипящихъ* = польск. *oł*. Въ немногихъ случаяхъ, относящихся сюда, Польскій языкъ согласенъ съ лужицкими, какъ относительно *o* = *ь*, такъ и относительно происхожденія этого *o* изъ *e* = *ь*. Мы выше видѣли, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ и *zl* = польск. *oł* (польск. *mówić* изъ *moŭwíc*, в.-луж. *moŭwíc*), но здѣсь *o* непосредственно примыкаетъ къ *z*; слѣловательно, сходство между *moŭwíc* и *zoŭty* (откуда *zółty*) лишь въ результатѣ, а не въ процессахъ. *Чьлнз*, польск. *czółn*, *czółno*, в.-луж. *čołm* — *čown*, *čownik*, н.-луж. *sołn-cown*; *чьл?* (=русск. *члз* —), польск. *czółgać się*; *жълнз*, польск. *żółty*, в.-луж. и н.-луж. *žółty-žowty*; *жълч*, польск. *żółć*, в.-луж. *žofć* — *žowć*, н.-луж. *žofc*; *жълна* — польск. *żółna*, н.-луж. *žofna*. Сюда же въ польскомъ относится стар. *želw'*, *-i*, *želwica*, *žowica* (золвка), предполагающее *жълв*. Русское *золвка* имѣетъ полногласіе не такое, какъ въ *золото* — *злато*, а такое позднѣйшее, какъ *полонз* = *пълнз*; оно соотвѣтствуетъ, кромѣ окончанія, сербскому *заова* и вмѣстѣ съ нимъ предполагаетъ форму *зълв*. Такимъ образомъ, русскій языкъ здѣсь расходится съ польскимъ. Обѣ формы слѣдуетъ, повидимому, отнести ко времени до начала замѣны глухихъ звуковъ чистыми. Въ польскомъ языкѣ нѣтъ ни одного слова, въ коемъ бы *zl* = *lu* (какъ *ел*), но въ чешскомъ *člun*, *žlutý*, *žluva*, *žluna*, изъ чего видно, что и здѣсь, какъ въ другихъ случаяхъ это нарѣчіе менѣе польскаго склонно къ различенію *z* и *ь* при плавныхъ.

Г. Перехожу къ упомянутому подъ В доказательству съ точки зрѣнія общеславянской, что разница между *z* и *ь* при плавныхъ и постановка ихъ передъ *p*, *л* есть явленіе не исключительно русское, но общеславянское.

Шмитъ въ статьѣ «Объ образованіи первона-
чальнаго *j* въ славянскомъ и литовскомъ языкахъ»
(Beitr. zur Vergl. Spr. VI, 143—14) говоритъ: «Не-
рѣдко мы находимъ передъ *p*, *l*, *v* ассимиляцію гор-
танныхъ безъ присутствія (за этимъ сочетаніемъ) такой
гласной, которая могла бы причинить это измѣненіе
гортанныхъ. Между тѣмъ многочисленныя сочетанія *k*, *g*—
p, *l*, *v* въ началѣ словъ доказываютъ, что сами по се-
бѣ *p*, *l*, *v* вовсе не необходимо ассимилируютъ преды-
дущіе гортанные... По моимъ наблюденіямъ, количество
случаевъ, въ коихъ гортанные и свистящіе остаются
неизмѣнными, приблизительно равно числу тѣхъ случа-
евъ, въ коихъ они измѣнены. Здѣсь я укажу извѣстные
мнѣ случаи, въ коихъ слова того же корня, а частью и
того же образованія, то удерживаютъ гортанный, то
ассимилируютъ его. Шлейхеръ (Comp. 2, 303) приво-
дитъ: *цвѣтъ* и чешск. *květ*, *цвѣлѣти* и ст.-чеш. *kvělit*,
чловѣкъ (кор. *кру*, *слу*), *чръгати* и *кратъкъ*.... Изъ
Миклошича (V. Gr. I. 199) заимствую *жръгло* и *гргло*.
Я самъ замѣтилъ *жръти*, *жръж* (*deglutire*) при *гръгань*...,
жръти, *жръж* (*sacrificare*; ср. литовск. *girti*, хвалить,
санскр. *гр̥̌а̎ми*—хвалю. Curtius, Grundz.² 162) при
грай; *жльдати* при *гладъ*; *шръшенъ* при *сръшенъ*; *чрътъ*
при русск. *кирпичъ*. Относительно *чръпъ* можно бы,
быть можетъ, принять, что въ немъ ассимилирующая
сила *ь* подѣйствовала на гортанную черезъ *p*. Такъ
какъ мы видимъ, что обыкновенно *ч*, *ж*, *ш* возникаютъ
только передъ *j* и небными гласными, то я заключаю,
что *p*, *l*, *v*, гдѣ они ассимилируютъ предыдущіе соглас-
ные, имѣли йотоподобный звукъ, то есть, что изъ нихъ
развилося паразитное *j*. Это *j* на письмѣ не обознача-
лось, какъ нерѣдко необозначается и основное *j* при *p*,
l, напримѣръ, въ *бура* вмѣсто *бурѣа*, *вола* вмѣсто *волѣа*;
но какъ въ послѣднихъ случаяхъ *p*, *l* имѣютъ значеніе
tj, *lj*, такъ они могли имѣть это значеніе и въ выше-
упомянутыхъ *жръгло*, *жльдати*». Въ подтвержденіе
Шмитъ приводитъ еще польск. *chrząszcz*, *grzbiet* и
кое-что вовсе неподходящее.

Здѣсь сначала отдѣлимъ діалектическія явленія отъ общеславянскихъ, въ той увѣренности, что тѣ и другія въ дѣйствительности раздѣлены временемъ и причинами. Къ первымъ относится *г*, *к* въ случаяхъ, какъ польскія gwiazda, kwiat. Удержаніе этихъ гортанныхъ точно предполагаетъ въ западно-славянскихъ нарѣчіяхъ раннее появленіе небности губнаго звука и наклонность гортанныхъ къ палатализму. Далѣе, нѣкоторыя изъ живыхъ нарѣчій показываютъ, что въ *бура*, вола начертаніе есть слѣдствіе произношенія: *ра* вмѣсто *рѣ* свидѣлствуетъ о потерѣ смягчаемости *р*, какъ между прочимъ, въ нѣкоторыхъ западно-малорусскихъ говорахъ; *ла* вмѣсто *ля* говоритъ объ образованіи въ говорѣ писца звука средняго между твердымъ и небнымъ *л*, и о потерѣ обоихъ крайнихъ. *Чловѣкъ* предполагаетъ *чловѣкъ* или *человѣкъ*, *) а потому здѣсь можетъ быть рѣчь не о паразитномъ *ј* при *л*, или изъ *л*, какъ въ италіанскомъ *fiore=florem*, но о появленіи мягкаго гласнаго передъ *л*;

*) *Чело-вѣкъ*. Такое дѣленіе этого темнаго слова я предпочитаю дѣленію *члов-ѣкъ*, при коемъ *-ѣкъ* считаютъ за единственный въ своемъ родѣ суффик., а *члов* безъ достаточныхъ оснований приравниваютъ къ *слов-* въ *слово* и *слов-акъ* (кор. *кру*).

1. *Вѣкъ* а) сила. Ср. хорут. *obvĕknoti*, *corroborare*, *odvĕk dati*, *reficere*, *vĕk*, *virtus* («*sol vĕk zgubi*» соль обуяеть), *vĕčan*, *robustus*, *malovĕčen debilis*, *Mikl. Lex. S. V.*; лит. *vėka*, ж. физич. сила. б) Отсюда *у-вѣчье*=*без-вѣчье* (*у* въ знач. отрицательной частицы, какъ въ *у-богъ*=*небогъ*), состоянье чловѣка лишеннаго силы, здоровья: «Добрыня.. бралъ Алешу за желты кудри.. началъ шалыгой поворачивати. Недалъ ему смерти скорыя, А далъ безвѣчье вѣковѣчное, Рыби III, 75; в) *вѣкъ* безъ предлога, имѣющаго отрицательное значеніе, сначала вѣроятно употреблялось въ знач. *силы*, здоровья, какъ можетъ быть въ слѣдующемъ: «аще ли утнеть руку, отпадетъ рука или усыхнетъ, или нога, или око, или неутнеть (вар. или носъ утнеть)», тѣ полъ виры, ꙗ гривень, а тому за *вѣкъ* (т. е. раненному, за силу, коей онъ лишенъ) ꙗ гривень», Русск. Пр. по Син. сп., Русск. Достоц. I, 32—3; но

киричь есть заимствованіе изъ турецко-татарскаго и не имѣетъ ничего общаго съ *чрътъ*. Затѣмъ остаются только случаи, какъ *жръло*, *жльдати*. Противъ Шмита говоритъ то, что въ формахъ, соотвѣтствующихъ формѣ *жръло р* несмягчается ни въ одномъ славянскомъ нарѣчіи. Относительно *л* я держусь того мнѣнія, что древнѣйшее, общеславянское его произношеніе передъ твердыми гласными есть то, которое существуетъ теперь въ русскомъ языкѣ (кромѣ немногихъ пограничныхъ говоровъ) и польскомъ и явно предполагается лужицкими и полабскимъ. Въ *жльтъ* и т. п. *л* рѣшительно было твердо долгое время послѣ измѣненія гортаннаго въ шипящій. Поэтому, принявъ за основную форму *жльтъ*, невозможно объяснить появленія *ж* изъ *г* свойствами звука *л*. Это будетъ невозможно и въ томъ случаѣ, если допустимъ основную форму *жльтъ*. *Б* принадлежитъ къ

подъ вліяніемъ значенія слова *безвѣче* само *вѣкъ* въ выраженіи *безъ вѣка* получило смыслъ *увѣчья*: «аже кого уранятъ, полуторы гривны серебра, аже будѣте (=будеть) *безъ вѣка* (вар. а хромоты на тѣлѣ небудеть)», Смол. Грам. 1229 г. по Рум. сп.; г) *вѣкъ* срокъ жизни, откуда—столѣтіе, продолжительное время. Сближеніе съ *αιών*, *aevum*, гот. *aivs* лишено основанія; напротивъ, несомнѣнно сродны: литов. *wykis*, м. живнь, живость; *wykrus*, бодрый, живой, оживленный; *weikti* дѣлать, *iweikti* mēsta взять, одолѣть городъ; лат. *vi-n-c-o*, *vīci*, *vic-tum*, гот. *veihan*, *streiten*, Fick, Wb.² 399,606.

2. Слов. *цль* и гот. *hails* относятся къ кор. *кал*; ср. Скр. *калја*, здоровый, готовый, пріятный и пр. *кал-ја̀на*, прекрасный, милый, благопріятный, греч. *καλός*. Такъ между прочимъ Fick. Wb. 351., гдѣ указано на другой случай ѣ=осн. а въ лит. *kemas*, гот. *haims*, арс. *chām*, англ. *home*, греч. *χωμή*=основ. *кама*. Слав. *чело* въ *чело-вѣкъ* можетъ принадлежать къ тому же корню и значать тоже, что *цль*; относительно звуковъ ср. *чело*, *челесе*=осн. *карас*.

Такимъ образомъ *чело-вѣкъ*, какъ *compositum possessivum* (бабуврѣни) значило бы «имѣющій цѣлую силу, полный, сильный, т. е. взрослый, мужъ, почему напр. въ мдр. *чоловѣк*

одному разряду съ *е, и, ѣ, ѡ*. Между тѣмъ сочетаніи гортаннаго съ *р*, или *л+е, и, ѣ, ѡ* остаются неизмѣнными, такъ что мы имѣемъ только такія основныя (и относительно гортанной, до нынѣ общеславянскія) сочетанія, какъ *крило, кривъ, крьсѣ, клѣтъ* и т. п., а не *чрило* и пр. Исключеніе составляютъ только тѣ слова съ *ръ*, коимъ въ Русскомъ языкѣ соотвѣтствуютъ ере: *жрьбѣ* (а не *грѣбѣ*, какъ *грѣхъ*)=жеребя, а почему такъ, объ этомъ рѣчь впереди. Поэтому, еслибы когда-либо существовала общеславянская форма *жльтъ*, то она и осталась бы съ *з* (а не *ж*), какъ остались *з, х* въ *хрьбѣтъ, grzbiet*. Итакъ, если *л, р* въ *жльтъ, чръта* всегда было твердо; если даже мягкій гласный послѣ *л, р* (какъ въ *крѣсѣ* и пр.) немогъ бы измѣнить гортаннаго въ шипящій; то остается принять, что формы *жльтъ, чръта* не основныя, а діалектическія и позднѣйшія. Какія древнѣе ихъ, мы старались показать выше, именно: гдѣ общеславянское слово имѣетъ въ себѣ сочетаніе шипящаго съ *р, л* и глухимъ звукомъ, тамъ первоначально глухой звукъ стоялъ передъ *р, л* въ непосредственной близости къ шипящему и былъ не *з, а ѣ*: основная форма есть не *жльтъ*, а *жьлтѣ*. Такимъ образомъ мы получаемъ увѣренность, что различіе между *грьло* и *жьрьло* древнѣе ихъ безразличія относительно *еровъ* въ написаніи *грѣло, жрьло*. Если жъ это такъ, то и различіе *еровъ* въ другихъ случаяхъ, не послѣ гортанныхъ и шипящихъ, указываемое русскимъ и другими нарѣчіями (*първѣи* и *пъртъ*), древнѣе ихъ безразличія въ *първѣи, пъртъ*.

есть мужъ по отношенію къ женѣ и по отношенію къ неполномочнымъ, каковы *хлонецъ* и *парубокъ*. Такъ какъ съ одной стороны *жизнь* значить богатство, съ другой богатство человека условлено полнотой его силы, то понятно, почему влр. *полномочной* мужикъ—зажиточный (Нижегор.), у коего много въ семьѣ работниковъ (Онеж.): «въ почетѣ ходить дочь да все безотнята: необносятъ ю крестьяна полномочны», Барсовъ. Причит. сѣв. кр. 130; *маломочной*—бѣдный: «я богатому сосѣду непокорила, у маломощнаго я недоложила» Барс. ib. 135.

Сказанное здѣсь отлично отъ того, что говоритъ о томъ же предметѣ г. Гейтлеръ.

«Слова съ начальными сочетаніями *чр*, *жр*, уже своимъ *ч* и *ж* обнаруживаютъ, что въ корнѣ ихъ было нѣкогда *е*: *чргтати* возникло изъ *чързтати*, которое изъ *чъртати*, *чертати*, какъ показываетъ русское *черта*. Это послѣднее изъ *kertati* (ср. лит. *kertu*, неопред. *kirsti*, съ ослабленіемъ *е* въ *i*)... Перестановки плавнаго звука въ томъ видѣ, какъ мы ее (обыкновенно) представляемъ, небыло: ибо, еслибъ *г* былъ основнымъ въ корнѣ, то какъ мы оправдаемъ *ч*, которое можетъ возникнуть передъ мягкимъ гласнымъ, но никакъ не передъ *л*, *р*, или *г*? Какъ могло развиваться *чргт* изъ санскр. *карт*, если непризнаемъ русской формы *черт* — старѣйшею? Я корня *карт* ослабѣло до *е* уже во времена дославянскія; изъ *kert* (ср. лит. *kertù*) на славянской почвѣ прежде всего образовалось *черт*; на этой степени стоитъ Русскій языкъ; отсюда *чърт*, *чързт*, *чргт*... Подобнымъ образомъ развилось *чртати*, русск. черп, чешск. *čerpati*; *чргвенъ*, чешск. *červený*; *чргвъ*, лит. *kirmis*, русск. червь, чешск. *červ*; *жгзтъ*, лит. *geltas*, желтъ; *жргзны* изъ *жъръны*, *жърны*, *жерны*, русск. жерновъ, чешск. *žernov*, лит. *girnòs* изъ *gerpnos*... а въ польск. *matlwy* и пр. этому непротиворѣчить, потому что образовалось внутри польскаго языка» (Fonol., § 45) «Русскія формы *смерть* и пр., по коренной гласной и по несовершившейся въ нихъ перестановкѣ, не одною, а нѣсколькими ступенями древнѣе соотвѣственныхъ словъ старо-болгарскихъ, между тѣмъ какъ чешскій языкъ, относительно падевія гласныхъ, пошелъ дальше, потерявъ и другую полугласную (*смрътъ*), вытѣснившую полугласную коренную: *smrti* и пр. Только словами, какъ *červ*, въ коихъ *е* весьма древне, чешскій языкъ вмѣстѣ съ русскимъ превосходитъ древностью древнѣйшія славянскія нарѣчія» (Fonol., § 46).

Кромѣ отрицанія перестановки, это намъ и прежде было извѣстно изъ трудовъ покойнаго Максимовича.

Г. Гейтлеръ смѣшиваетъ двѣ вещи: изъ того, что

чръвъ и *червъ*, относительно мѣста гласнаго звука передъ *р*, древнѣе, чѣмъ *чръвъ*, отнюдь неслѣдуетъ, что *е* въ *червъ* древнѣе *ъ* въ *чръвъ*. Съ мнѣніемъ о дославянскомъ происхожденіи *е* въ чешск. *červ* и пр. слѣдуетъ сравнить сказанное г. Гейтлеромъ въ § 38. Здѣсь приводятся слова съ *ir*, *il* между двумя согласными (изъ *Matet Verbum*), относительно которыхъ авторъ убѣжденъ, что въ нихъ звучало *ъ*: *čirv* = *чръвъ*. Стало бытъ выходить, что въ чешскомъ нѣкогда было *червъ*, потому *чръвъ* (въ началѣ XIII вѣка), потомъ опять *червъ*.

Что русское *е* въ *червъ* не древнѣе *ъ*, а предполагаетъ его равно какъ *о* въ *торѣ* предполагаетъ *э*, это, на нашъ взглядъ, совершенно доказано, во первыхъ, свѣдѣтельствомъ русской письменности до XIII вѣка включительно. И невижу слабыхъ сторонъ въ извѣстныхъ уже соображеніяхъ такого рода: сравнимъ, на примѣръ, отрывокъ изъ житія Бориса и Глѣба XII вѣка съ тѣмъ же мѣстомъ по списку половецкаго XIV вѣка (Срезневскій, Сказ. о Борисѣ и Глѣбѣ, XXIII и сл. и 65 и сл.; формы XIV вѣка ставлю въ скобкахъ) и спросимъ себя, откуда, если не изъ своего собственнаго говора и слуха, писцы могли взять такое написаніе, какъ почернѣло (почернѣло), мъртвыхъ (мъртвыхъ), върхоу (верху), сьрны (серны), държавно (державно), утвърженіе и утвърженіе (утвърженіе), дързость (держость), плътоцѣца, плътѣскы (плотоядца, плотьскы), скърбящихъ (скорбящихъ)? Оставляемъ въ сторонѣ случаи, гдѣ *ъ* и *э* не при плавныхъ: шѣдше (шедше) и пр. Мы не можемъ, подобно тѣмъ, которые отвергаютъ глухіе звуки въ древне русскомъ, замѣтить здѣсь ничего школьнаго, условнаго, никакого посторонняго вліянія. Это — прямое отраженіе природнаго выговора, отраженіе вѣрное, благодаря чуткости писца. Точно такъ въ сербск. царв, парст новѣе, чѣмъ чръвъ, ѣреть, ср. *Jagić, Podmladjena vokalizacija* 53 и pass. (Rad. IX). Во вторыхъ, малорусское нарѣчіе въ наиболѣе чистыхъ своихъ говорахъ довольно строго отличаетъ *о*, *е* основные отъ тѣхъ *о*, *е*, которые соответствуютъ ерамъ древнихъ русскихъ па-

матниковъ и, какъ мы думаемъ, произошли изъ этихъ глухихъ. Оно почти всегда измѣняетъ въ *у, ю, і* и пр. только основные *о, е* (см. мои «Два изслѣдованія», 98, и «Замѣтки о малорусскомъ нарѣчій», 11 и сл.), и это, по моему, происходитъ, между прочимъ, отъ того, что въ жизни этого нарѣчія никогда не было такого времени, когда бѣ основное *о, е* ничѣмъ не отличалось отъ *о, е=з, в*.

По Гейтлеру *е* въ жерновъ, чешск. žetnov, есть тоже самое, что и *е*, предполагаемое литовскимъ *і* въ gignos (изъ gernos), откуда можно заключить, что лит. *і* и *е* въ *іг, ег* соотвѣтствуютъ именно *ерю* и славянскому *е* въ *ѣр, ер*. Конечно, я ошибался въ своей статьѣ о подногласіи («Два изслѣдованія», 15—16), считая вѣроятнымъ, что образованіе глухихъ гласныхъ относится къ дославянскому времени. Эта описка была замѣчена г. Ягичемъ (Rad. Jugoslav. Akad. XIV, 203—204). Въ литовскомъ и латышскомъ еще нѣтъ глухихъ гласныхъ. Однако, есть значительная степень соотвѣтствія между литовско-латышскимъ *е, і* передъ плавными между двумя согласными и славянскими глухими на томъ же мѣстѣ. Только соотвѣтствіе это никакъ не простирается до специально славянскаго различія *ѣ* и *ѣ*. Этого различія нѣтъ никакихъ слѣдовъ въ литовско латышскомъ. Правда, что при формахъ, какъ *нѣрстѣ*, мы встрѣчаемъ литовскія съ *іг (er)*: wirbas, wirwas (лат. wir'we), wirszus (латышск. wir'sus), pirmas, pirsztas (латышск. pir'ksts), kirmis (латышск. cer'me, cėrme), szirdis (латышск. sir'ds) и пр.; но значеніе этого факта опредѣляется тѣмъ, что въ тоже время при славянск. *ѣ* (въ *ѣл, ѣр*) мы находимъ въ литовск. тоже *і*: wilkas, wilgyti, wilna, wilnis, pilnas, milžti, латышск. wilks и пр., литов. mirk-s-y-ti—мѣрг-ати (но mirgėti—мѣрк въ мѣрцати); литов. tirsztas, густой, о пивѣ или молочѣ, крутой—о кашѣ, густой—о дымѣ, лѣсѣ, хлѣбѣ=тѣлстѣ, которое въ русск. между прочимъ—о пивѣ, сметанѣ, голосѣ, звонѣ, дымѣ, снѣ (мал. русск. «то за тим, то за сим, то за сном товстим», народная пѣсня); литов.

pirksz-nis = русск. *пѣрскъ* (пѣрскъ), горячая зола и мѣсто въ печи, куда она сгребается, чешск. *prsk*, очагъ и пр.

Допустивши вмѣстѣ съ Гейтлеромъ, что литовск. *girnòs* (латышск. *dzirna*) — изъ *gernòs* и т. д., мы найдемъ, что и это предполагаемое *e* соответствуетъ отнюдь не въ частности славянскому *ъ*, resp. *e*, а безразлично и звукамъ *ъ* = русск. *о* и *ъ* = *e*. Такимъ образомъ, если съ одной стороны литовск. *el*, *er* соответствуютъ славянскимъ *ѣл*, *ѣр* (*geltas*, *geltonas*, латышск. *dze'ltenš*, жѣлтъ; *perdžiu* — *persti*, латышск. *per'du*, *pérdu*. *pír'st* — пѣрдъ); то, съ другой — при литов. *gerkle* находимъ слав. гзрло, при *mérkti* *merkėti* (и *mirkšyti*) — мѣргати.

Принимая такого рода соответствие между славянскими глухими и литовско латышскими ослабленіями болѣе древнихъ основныхъ гласныхъ, неслѣдуетъ ожидать, что это соответствие найдемъ во всѣхъ сродныхъ словахъ. Напротивъ, основному славянскому *мѣрс* (русск. *морсѣ*, сокъ, напримѣръ, малиновый (Домострой), старослав. *мѣрсити* и пр.) = литовск. *smars* въ *smarsas*, жиръ, заправка, окраса кушанья (санскритск. *мари-ати*, *spargere*, *effundere*, *irrigare*, основная форма *смарс*); славянскому *върста* соответствуетъ литовск. *warstas*, поворотъ плуга, гоны и пр. Итакъ, если вообще литовско-латышскій языкъ не указываетъ на различіе *ъ* и *ъ* въ славянскомъ, то онъ не можетъ и въ частности служить доказательствомъ, что *ъ* въ *чѣрвъ* возникло изъ славяно-литовскаго *e*. Затѣмъ входятъ въ силу изложенныя выше (§ IV) соображенія, что *e* = *ъ* въ славянскомъ вообще новѣ этого *ъ*.

VI.

Два *ъ* или *ъ* по обѣ стороны *р* или *л* между двумя другими согласными составляютъ такую крупную особенность правописанія нѣкоторыхъ древне-русскихъ памятниковъ, что незамѣтить ея невозможно, почему ея касался почти каждый, кому былъ для того случай.

Востоковъ въ словарь къ Остромирову Евангелію полагаетъ, что *вмкз* стоитъ вмѣсто *взмкз*, то-есть, что послѣднее написаніе древнѣе; *ввр'хоу* стоитъ вмѣсто *ввр'хоу*; «правильнѣе, чѣмъ *дръжати*, *дръзати* было бы *дър'жати*, или *държати*, *дързати*» и пр., изъ чего видно, что онъ считалъ различіе *ѣ* и *з* при плавныхъ, на которое указываютъ памятники русскаго письма, болѣе древнимъ, чѣмъ безразличіе этихъ глухихъ, что и я старался доказать; во-вторыхъ, что на второмъ мѣстѣ *ѣ* и *з* (если на первомъ *ѣ*), на его взглядъ, безразличны, неизвѣстно, по сущности ли дѣла, или потому, что онъ немогъ рѣшить, который изъ двухъ глухихъ здѣсь умѣстнѣе. Къ этому его же Словарь Церковно-славянскаго языка, кажется, неприбавляетъ ничего новаго, или, по крайней мѣрѣ, непротиворѣчитъ вышеизложенному. Въ немъ Востоковъ пишетъ, напримѣръ, *вмкз*, но тутъ же и *вм-ци*; *взмна* и рядомъ *взмнѣніе*; *взмхловати*; въ красной строкѣ *ввр'ста* и пр., смотря по написанію въ памятникѣ, изъ коего слово взято.

Миклошичъ замѣчаетъ, что «написаніе *дързати* и пр., защищаемое Востоковымъ, основано на Остромировомъ Евангеліи» (точнѣе было бы: и на другихъ древнихъ памятникахъ, какъ Сборникъ 1073 года) «которое въ этомъ отношеніи представляетъ удивительныя колебанія, а потому должно быть исправлено по другимъ памятникахъ» (V. Gr. I, 42). Исправленіе Миклошича состоитъ, какъ извѣстно, въ томъ, что онъ пишетъ постоянно какъ *вмкз*, такъ и *дръзати*.

Максимовичъ, согласно со своимъ мнѣніемъ о болѣшей древности полногласія въ обширномъ смыслѣ этого слова (то-есть, не только *оро=ра* и пр., но и *ор*, *ол* и пр.=*гр* и пр.), говоритъ: «Древняя церковная правопись тѣмъ важна для филологіи нашей, что по ней можно заключать, въ какихъ полногласныхъ формахъ иѣкогда были въ славянской рѣчи слова, теперь употребительныя уже сокращенно. Такъ, напримѣръ, изъ слова *ввр'хъ* можно заключать, что оно сокращено изъ *верехъ*; и такое заключеніе оправдывается поднарѣчіемъ повго-

родскимъ, въ которомъ вмѣсто *верха* говорится *верѣха* (а *верхомъ* называется мѣра вершокъ); изъ слова *сѣмьрѣть* видно, что вмѣсто *смерть* говорили нѣкогда *сомереть*; и подобная форма встрѣчается въ глаголитской письменности — *смереть*. Она видна и въ уменьшительныхъ словахъ *семерѣтка*, *семерѣточка*, весьма извѣстныхъ въ нарѣчій верхнерусскомъ (Начатки Русской филологіи 1848, 68—9).

П. Лавровскій въ статьѣ о полногласіи (1859 г.): «Катковъ» (Объ элементахъ и формахъ славяно-русскаго языка) приводитъ слово *молоня*, въ Остром. Евангеліи *млѣннѣ*, въ доказательство того, что письменность древняя указываетъ на большую древность полногласной формы; примѣръ, въ первыхъ, единичный (?), а въ вторыхъ, не можетъ быть подтвержденъ ни однимъ нарѣчіемъ родственнымъ: сербск. *муня* свидѣтельствуетъ (?), напротивъ, объ отсутствіи *з* между *м* и *л* въ старославянскомъ и о тождествѣ въ фонетическомъ отношеніи съ *вуна*, *пук* и др., въ русск. *волна*, *полкъ*. Отсюда скорѣе должно, думаемъ, заключить, что и форма Остромирова Евангелія *млѣннѣ* вошла въ памятникъ подъ вліяніемъ русскаго переписчика, діакона Григорья, вмѣсто старославянск. *млннѣ*, обыкновенной для всѣхъ древнѣйшихъ памятниковъ, болѣе обычной и въ самомъ Остромировомъ Евангеліи. Отсюда же понятно, почему до сихъ поръ съ большою силою господствуетъ и въ простомъ народѣ форма *молчѣ*, вполне (?) соответствующая церк.-славянск. *млннѣ* и сербск. *муня*; форма *молоня* явилась посредственно, вслѣдствіе господства полногласія при плавныхъ въ другихъ случаяхъ, слѣдовательно позднѣе, неорганически, потому что въ противномъ случаѣ соответствовала бы церк.-славянской *мланинѣ*, сербск. *мланиа*. Какъ примѣчаніе къ первому изъ поставленныхъ мною вопросительныхъ знаковъ, приведу здѣсь слова того же автора изъ болѣе ранняго его сочиненія «О языкѣ сѣверныхъ русскихъ лѣтописей» 1852, стр. 45. Упомянувъ о русскомъ полногласіи (оръ = ра и пр.), онъ продолжаетъ: «Любовь къ гласнымъ

въ народѣ Русскомъ столь сильна, что онъ прибѣгалъ къ удвоенію *о* при *р* и въ такихъ словахъ, въ которыхъ, по требованію древней фонетики общеславянской, *р* соединенъ былъ съ глухимъ звукомъ *з*; такъ, и въ лѣтописяхъ, и въ грамотахъ въ XIII вѣкѣ вмѣсто *Тържежкѣ*, *Новотържъци* читаемъ *Торозжкѣ*, *Новоторожъци* (Новг. I, 45; Собр. Гос. Гр. I; № 1). Игакъ, *молонѣ* не единичный случай. Впрочемъ, не подлежитъ для насъ сомнѣнію, что это полногласіе слѣдуетъ отличать отъ того, гдѣ русск. *оро* и проч. = старо-славянск. *ра* и проч.

Ягичъ (Napredak Slovinske filologije posljednih godina, Rad Jugosl. Ak., XIV, 205 слѣд). высказываетъ свое мнѣніе о нашемъ вопросѣ по поводу статей о полногласіи П. Лавровскаго и моей. Въ этой послѣдней (31—34) я слѣдовалъ тому мнѣнію, что глухой звукъ послѣ плавнаго (мртвѣ) предполагается всѣми славянскими нарѣчіями (чего теперь недумаю); что, между прочимъ, и въ русскомъ на такое мѣсто глухаго звука указываютъ слова какъ *бровь* (заключеніе отъ брѣвь къ большей древности *влькѣ*, *мртвѣ* ошибочно); что глухой звукъ послѣ плавнаго есть слѣдствіе того же стремленія языка, въ силу котораго чистый звукъ слѣдуетъ за плавнымъ, а не предшествуетъ ему, какъ въ литовск. *garsas*; что изъ этого и для русскаго языка вытекаетъ вѣроятность большей древности формы *мласъ* сравнительно съ *голосъ*.

Положенія г. Ягича слѣдующія:

«Извѣстно, что полугласнымъ *з* и *ь* въ нашемъ случаѣ обыкновенное мѣсто послѣ *р*, *л*: способъ писанія, составляющій правило въ древнѣйшихъ памятникахъ. Чтò выводимъ отсюда?—Что и та чистая гласная, которую принимаемъ за болѣе древнюю, исходную для позднѣйшихъ полугласныхъ, въ общемъ имѣла мѣсто послѣ *р*, *л*» (204).

»Прежде, чѣмъ полугласные появились въ организмѣ славянскаго языка, когда вмѣсто нихъ еще вездѣ стояли чистые гласные, вполне было уже развито стрем-

леніе славянскихъ языковъ измѣнять *per metathesin* такія сочетанія, какъ *ар* и согл., *ал* и согл., *ер* и согл. и т. д. въ такія, какъ *ра* и согл. и т. д. Напримѣръ, хотя литовскому *wilna* соотвѣтствуетъ славянск. (ст.-болгарск.) *вѣна*, но эта историческая славянская форма предполагаетъ, что уже въ болѣе древнюю, доисторическую пору, когда краткіе гласные еще несократились въ полугласные, въ славянскомъ должна была жить форма *влѣна* или *влѣна*, какъ и въ литовскомъ *wilna* предполагаетъ болѣе древнюю форму *walna*» (207).

«Русскія формы, какъ *полнѣ*, *мертвѣ*, *торѣ* суть не что иное, какъ реакція, отпоръ болѣе древнимъ полугласнымъ, какъ проявленіе «подновленной» вокализации, коей физиологическое развитіе можемъ себѣ представить такимъ образомъ. Прежде, чѣмъ дошло до того, что гласный звукъ послѣ *р*, *л* изнемогъ и ослабѣлъ до полугласнаго, прежде чѣмъ исчезъ и этотъ полугласный звукъ, и его задачу приняло на себя одно *р*, *л*, нѣкоторые славянскіе языки, какъ русскій, польскій, сербо-лужицкій, стали избѣгать такихъ сочетаній, какъ *плн*, *млня*, *мртвѣ*, *срдце*, и искать отъ нихъ отдыха и облегченія, колеблясь въ выговорѣ приблизительно такъ, какъ показываетъ написаніе Остромирава Евангелія *мырътвѣ*, *мыльницѣ* и пр. Вскорѣ *р*, *л* освободились отъ этого плаванья въ двухъ гласныхъ такимъ образомъ, что первый, некоренной звукъ *з*, на который, по причинѣ сокращенія слова на концѣ, могло пасть еще и удареніе, взявъ перевѣсъ надъ другимъ *з* (*ѣ*), и чѣмъ болѣе первый раздвигался и расширялся (въ *о*, *е* и пр.), тѣмъ болѣе сжимался второй, пока наконецъ изъ перваго *з* (*ѣ*) не вышло чистое *о* (*е*), а другое *з* (*ѣ*) вовсе исчезло. Такой процессъ, давно совершившійся въ русскомъ языкѣ, діалектически возобновляется въ южно-славянскихъ, можно сказать, передъ нашими глазами и въ наши дни, ибо есть края, гдѣ у насъ вмѣсто *крѣ*, *гѣ*м говорится *карѣ*, *гарм* (на нѣкоторыхъ островахъ Далмаціи), или *керѣ*, *герм* (въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Хорватіи, напримѣръ въ Загорьи, около Крапины)» (206).

Такимъ образомъ, Ягичъ принимаетъ форму *пѣзкѣ* за переходную ступень отъ *пѣкѣ* къ *полкѣ*, а весь рядъ принимаемыхъ имъ формъ (для русск. языка) слѣдующій: а) чистый гласный звукъ передъ плавнымъ (*вѣйна*); б) чистый гласный послѣ плавнаго (*вѣйна*); в) глухой гласный послѣ плавнаго (*вѣйна*); г) плавный между двумя глухими (*вѣйна*); д) чистый передъ плавнымъ (*волна*).

Совсѣмъ иначе представляетъ себѣ это дѣло г. Гейтлеръ. Какъ мы видѣли выше, онъ за древнѣйшія славянскія формы принимаетъ нынѣшнія русскія съ чистымъ гласнымъ (*мертвъ*). Затѣмъ написанія, одновременно данныя въ Остромировомъ Евангелии, онъ приводитъ по времени ихъ возникновенія въ такой порядокъ: а) *ѣ*, *ѣ* стоятъ *еще* передъ плавнымъ (*мѣртвъ*, *испѣнь*); б) для устраненія стеченія плавной со слѣдующею согласною (какъ въ *алѣкати* изъ *алѣкти*) появляется второй глухой звукъ послѣ плавнаго: *мѣзза*, *сѣмрътъ*; в) затѣмъ, за устраненіемъ перваго полугласнаго, *сѣирѣтъ* и проч. (Starobulg. fonolg. § 37—42).

Что для насъ окажется возможнымъ удержатъ изъ этихъ мнѣній, будетъ видно изъ слѣдующаго.

Мы различимъ здѣсь два вопроса: одинъ — о распространеніи такихъ формъ, какъ *вѣрхъ*, по русской почвѣ и объ отношеніи ихъ къ соотвѣтственнымъ діалектологическимъ явленіямъ нынѣшняго Русскаго языка, другой — объ отношеніи этихъ формъ къ соотвѣтственнымъ явленіямъ другихъ славянскихъ языковъ.

1) Для краткости назовемъ какъ нынѣшнее явленіе *должно*, такъ и древнее *дѣзжъно* однимъ именемъ *втораго полногласія*, желая пока этимъ только отличить это явленіе отъ другаго, которое назовемъ *первымъ полногласіемъ*: *голова* = *глава*. Кажется, что, пользуясь различными свидѣтельствами о нынѣшнемъ состояніи языка, мы въ правѣ сказать: второе полногласіе есть явленіе не только почти исключительно русское, *) но даже почти

*) Какъ рѣдкій случай, можно отмѣтить въ Псалт. Маргар. *czerekew*, *czyerekew*, *czirekew*, род. *czyrękwe*.

исключительно свойственное сѣверновеликорусскимъ говорамъ. Я думаю, слѣдуетъ отдѣлить то стремленіе, по которому мѣстами говорится *боложннк*, *твередить*, отъ того болѣе распространеннаго, въ силу котораго говорится въ м.-русск. *пов-з-н*, *чов-е-н*, въ польск. *реѣ-е-п* (русск. литер. поли, чолн). О малорусскихъ словахъ мы говоримъ навѣрное: что они возникли изъ *човнѣ*, *повнѣ*, такъ какъ если бы въ основной ихъ формѣ гласная стояла послѣ *л* (въ родѣ *плѣчѣ*), то *л* неизмѣнилось бы въ *ѣ*; что *е* появилось въ нихъ послѣ *ѣ* лишь тогда, когда конечное *з* (*плѣнз*, *члѣнз*) исчезло; *е* въ этихъ словахъ должно быть отнесено къ такъ-называемымъ бѣглымъ гласнымъ, то есть, къ такимъ, конхъ существованіе и исчезновеніе условлено качествомъ слога. Съ точки исторіи языка слѣдуетъ здѣсь различать во всѣхъ славянскихъ нарѣчіяхъ: а) замѣну глухой гласной внутри слога соотвѣтственною чистою, вслѣдствіе отпаденія конечной глухой и сліянія двухъ прямыхъ слоговъ въ одинъ средний, какъ въ русск. *зѣл* изъ *зѣ-лѣ*, *горек* изъ *го-рь-кѣ*; сюда же русск. *пѣлоть*, польск. *роѣсѣ*, чешск. *polet'*, для которыхъ принимаемъ основную форму *по-лѣ-ть* (три слога, *з* второго слога принадлежитъ къ суффиксу, какъ въ *дегнѣ*), несмотря на то, что по в.-луж. *рѣмѣ* и литовск. *paltis* можно бы заключать объ основной формѣ *пѣлѣ-ть*; кажется сомнительнымъ, чтобы въ *пѣлѣ-тьма*, пополамъ (Востокъ въ, Слов. ц. слав.), первое *з* было правильнѣе чѣмъ *о*; б) выпаденіе глухого (иногда и чистаго) гласнаго звука, сопровождаемое сліяніемъ двухъ прямыхъ слоговъ въ одинъ прямой, какъ въ русск. *зѣло*, *зѣло*; в) случай сходный съ а: появленіе неограниченной гласной, вслѣдствіе потери гласной въ слѣдующемъ слогѣ и превращеніе прямого слога съ двумя согласными въ средний, какъ въ русск. *свекор*, *въ-тер*, *ви-хорѣ* изъ *све-крѣ*, *въ-трѣ*, *ви-хрѣ*; сюда же слѣдуетъ отнести образованіе среднего слога съ неорганическою гласною съ привлеченіемъ къ этому слогу конечной согласной предыдущаго слога, какъ въ м.-русск. *по-вен* изъ *пѣлѣ-нѣ*. Замѣчу, что съ русскимъ

въ-тер совершенно тождественны въ латышскомъ случаѣ, какъ *werpars* (съ неорганическимъ *a*) изъ *werps* (съ потерей гласной передъ *s*), которое изъ *werpis*, *вепрь* (Bielenstein, Lett. Spr., 100—101, § 58, г). Къ одному разряду съ *повен* и *реѣн* относятся и распространенныя въ русскомъ литературномъ языкѣ формы *по-лон* (=пѣл-нѣ), *до-лог* (дѣл-гѣ, между тѣмъ существ. *debitum*—*долг*, съ однимъ *o*). *ве-рѣв-ка* (=вѣр-вѣ-ка), которыхъ нельзя приурочить къ какой-нибудь одной части велико-русскаго языка. Можетъ быть, сюда же относится и в. русск. форма *поселонъ* (три слога, по теченію солнца, изъ по-сѣл-нѣ). Но уже форма *мо-ло-нѣя* отмѣчена въ Великорусск. Областномъ Словарѣ, какъ встрѣченная въ сѣверно-великорусскихъ мѣстностяхъ (въ губ. Арханг., Волог., Олон., Костр., Пск.), и лишь въ одной южно-великорусской (Тамб.)—*молонѣе*. Форма *молѣнѣе*, отмѣченная у Даля, какъ принадлежащая губерніямъ Каз. и Перм., или совершенно иначе образована, то-есть, имѣетъ суффиксъ *ын* (какъ *млынъ*, *по-лынъ*), или есть искаженіе, такъ какъ *o* ударяемое не должно бы измѣниться въ *ы*.

Остальныя извѣстныя слова со вторымъ полногласіемъ въ нынѣшнемъ русскомъ приурочиваются къ сѣверно-великорусскимъ мѣстностямъ:

стѣлоб и *стѣлобъ*, род. *стѣлоба* (Псков.)—стѣлобъ, *стѣлобѣнѣка* (Псков., Твер.), ударъ по головѣ; но тамъ же *стѣлобѣнъ*, *стѣлобѣха*, *стѣлобецъ*.

дѣложно, *дѣложникъ*, Псков.

хѣломы, покрытое кочками мѣсто, *хѣломѣк*, холмикъ, Псков., Твер.

колѣоб, шаровидный хлѣбецъ и пр. (Арх., Волог., Ниж., Пск., Твер.), *колѣобѣк* (Арх., Олон., Вят., Влад., Нижегород., Костр.), *колѣбушка* (Новг., Пск.). *колѣобанъ*, толстая лепешка (Твер.), *колѣбашика* *id.* (Пск.). Предполагая основ. форму *кѣлѣбъ* (ср. *колѣбанъ*—отрубѣкъ, Сар.), *) мы ожидаемъ южн. в.-русск. формы *колѣб*, *колѣбѣк*.

*) Въ Сарат. и Ворон. г. всегда слышно: *колѣбѣкъ*, *колѣбѣшка*.
Ред.

полѡкъ, полка́, полчокъ дѣвокъ, Влад.
полонѹшка, сборъ разныхъ сельскихъ произведе-
ній (?), Тв.; сравн. *полнѣ*.

толонѹтъ = толпуть, толкнуть (Пск., Тверск.).
кѡромъ, коромнѡ, коромнѣкъ, Пск., Твер. (=кормѣ).
челонѡкъ (Арх., Новгор.).

беревено, Пск. (срав. Смол. бервено, польск. *bieg-
wiono, bierzwiono, bierzmo* = бървѣно; между тѣмъ Кур.
беревно = чешск. *břevno* = брѣвѣно).

веревныя книги (Арх.), писцовыя (вѣрвь); *веревѡ*,
вервь (Вятск.) можетъ сюда неотноситься, такъ какъ
суффиксъ можетъ быть — *ево*, какъ *варевѡ*; неясно — *оро* въ
воровѣна, веревка.

верѣхъ, верхá, Новг., Арх., Олон., Пск., Тверск.
завереть, вихорь (заверть), Пск., Тверск.
дерень, дерня, дерпѣ, Новг.
жѣредѣ, Пск., Тверск:

жерѣнко, жерновка раковая, Пск. Тверск., же-
рѣнное время, лѣтнее, когда въ ракахъ можно найти
жерновки, Тверск. (=жѣрѣннѡе).

зереньѡ, Новгор. *зерѣнье*, Пск., Тверск., зерновой
хлѣбъ (сравн. Пск., Тверск. зѣрно).

сверѣбить, -ся, беспокоить, сѣрдить, -ся.

скатереть, Арх., Новг.

смерѣтушка, Новг., Пск., Тверск. (сравн. смѣр
точка, Арх., смѣртушка, Моск., Тамб.).

смерѣдушка (=смѣрд—), нестерпимо, невыносимо,
Пск., Тверск.

чѣревъ, чѣрева, червь, Пск., Тверск.

чѣрень, черени? черни? черполѣсье, Пск., Тверск.

черемнушка, корь, сыпь (=чѣрм—), Пск., Твер.

четвереть, рти, Арх.

шерестить, мѣнять шерсть на шерсть, то-есть,
лошадь на лошадь безъ придачи, Перм.

шерѣшь, колошь, замерзлая грязь, Тамб.; *шѡрошь*,
и, разбитый, мелкѣй ледъ въ водѣ, Тверск. (сравн.

шерхнутъ, шершавый; впрочемъ, и въ литературномъ языкѣ *шероховатый* *).

Списокъ этотъ, по всей вѣроятности, очень неполонъ относительно количества словъ и указанія мѣстностей, гдѣ они встрѣчаются. Одно остается вѣрнымъ, что въ южно великорусскихъ (со включеніемъ бѣлорусскихъ) мѣстностяхъ слова со вторымъ полногласіемъ (какъ *молонья*, *шерешъ* — въ Тамбовской губерніи) встрѣчаются, какъ исключеніе. Притомъ на сѣверѣ Тамбовской и Пензенской губерній, кажется, проглядываютъ нѣкоторые сѣверно-великорусскіе признаки: *смотриль*, *у женщ*.

Подобнымъ словамъ съ *оло*, *оро*, *ере*, въ другихъ современныхъ русскихъ нарѣчіяхъ соотвѣтствуютъ по правилу слова съ гласною *о*, *е* передъ *р*, *л* со слѣдующею согласною, а въ древнемъ языкѣ, по одному способу написанія, — слова, заключающія въ себѣ согласную + *л*, *г*р, *ь*р + согласную. Ограниченія этого правила незначительны. Такъ, Пск.: Твер. и литер. *судорожь*, *дрожь*, *легкій ознобъ*, предполагаетъ не *дѣржь*, *дѣржь*, а общерусскую форму *дрѣжь* = *дрожь*, если только по строенію корня оно не тождественно съ такимъ *судорога*, которому соотвѣтствовало бы ст.-славянск. **сѣдрага*.

*) Въ приведенныхъ словахъ исходною точкою второго полногласія служить *глухой* звукъ передъ *р*, *л*. Отличенъ отъ этого тотъ случай, когда передъ *р*, *л* стоитъ чистый звукъ, начинающій слово или слѣдующій за эвфоническимъ *ј*. Сюда относятся:

а) Ст.-слав. *алѣдѣя*, *алѣвати*, *алѣний*, *алѣтарь*.

б) Ст.-слав. *ѣлѣха* и русск. (Костр.) *ѣлѣха*, (изъ *ѣлѣха*, откуда фамилія *Елѣшинъ*), основная форма *алѣа*, ѡ въ в.-русск. и мр. *олѣха* тоже вставное.

Русск. форма *тернѣ* (рыба, *рекса сегниа*, *завзуб* ренный гвоздь, строптивый человекъ; *стать ершомъ*, *уперегся*, какъ *ершъ*, котораго «шукѣ невозьметъ съ хвоста»; *ерши* по тѣлу — съ ознобъ и шероховатости кожи, при чемъ относительно знач. ср. скр. *hr̥sh-ja* ти и лат. *horreo*) предполагаетъ основ. форму *арс-ја-с*; ср. лит. *ersz* — *kėtis*, *терновникъ*, *шиповникъ*, (собст. «имѣющій твердые шипы», такъ какъ *kėtas*, *твердый*)

Въ словахъ со вторымъ полногласіемъ второй гласный звукъ обыкновенно равенъ первому, то есть, онъ есть *о*, если первый есть *о=ъ* или *о=ь*, послѣ шипящаго; онъ есть *е* или позднѣйшая замѣна этого *е*, *ё*, если первый есть *е*. Исключеніе составитъ *челонѣк*, если перваго *е* не слѣдуетъ считать за *о*. Въ *ѳолубецъ*, родъ лавки съ ящикомъ (коникъ), лежанка, деревянная придѣлка къ печи съ ходомъ въ подполье, Влад., Костр.; *ѳолубица*—ходъ въ подполье, Тв.; *ѳолубѣцъ*—деревянная придѣлка къ печи, Каз., Костр., Тв., родъ надгробнаго памятника, Орл., Донск., сочетаніе *ѳолу* произошло изъ *ѳол* (какъ показываютъ формы *ѳолбецъ*, *ѳолбчикъ*, Арх., Костр., Тв., Оренб., Тобольск., Томск.) черезъ посредство *ѳоло* (Тверск. *ѳолубецъ*), въ коемъ неударяемое *о* перешло, какъ мѣстами часто, въ *у*. Присутствіе формы *ѳолубецъ* въ мѣстностяхъ южн. в.-русскихъ (Орл., Донск.), быть можетъ, слѣдуетъ объяснять не фонетическимъ путемъ, а ошибочною этимологіей, сближеніемъ этого этимологически неяснаго слова (вѣроятно, сроднаго съ *ѳолубъ*) съ *ѳолубъ*.

и Скр. *арш-*, *ршати*, ударяетъ, колетъ, *ршти*, копье. Слѣдующія формы предполагаютъ послѣ *р—ъ* или *ъ*: Пск. Тв. *ерешъ*, род. *ершѣ*; *ербишь* волосы (ершить, слово ставшее литературнымъ, но по своему *о* послѣ *р*, необщерусское); Тамб. *ерохониться* (и испорч. *ерихониться*) упрямиться, важничать; Уралъ., Сиб. *ероха*, *ербишка*, большіе волосы и пр.; свр. Сибир. *ересь*, *ересливый*, сердитый, Свр. Сиб. *ереститься*, сердиться; Свр. *ерестина*, *ярестина*, Олон. *ерестина*, первая молодая шерсть съ овцы; сходство послѣдняго слова съ *по-яр-окъ* и Серб. *јаретина*, козья кожа—случайно.

в) Въ слѣдующихъ двухъ словахъ *о* послѣ *л* быть можетъ и не изъ *ъ*:

Свр. и Кур., Тамб. *ѳлозитъ*, ползать (при очень распространенномъ *ѳлзатъ*, *ѳлзатъ*); Мр. *на-ѳлозити*, намазать напр. саломъ или чѣмъ либо скользкимъ. Основ. форма корня—*арш*, откуда—*рарш*. Ср. Лит. *rogas*, *gagas* мн. санки, салазки (по корню сродно съ *лыжи*) и скр. *рамѣтѣ*, спѣшить, бѣжить.

Въ современныхъ сѣверно-великорусскихъ говорахъ весьма трудно отдѣлить, по отношенію къ процессу, второе полногласіе объ бѣглости гласной, ибо хотя далеко не всякая вторая гласная въ разсматриваемыхъ словахъ можетъ быть названа бѣглою, но такое названіе прилично, напримѣръ, второму *о* въ *столоб*, род. *столба*, если только эта послѣдняя форма достовѣрна. Второе полногласіе въ нынѣшнемъ своемъ видѣ можетъ заключать въ себѣ два наслоенія и болѣе, почему и трудно опредѣлимо въ процессуальномъ отношеніи.

Если неотносить слишкомъ многого на счетъ неточности записывателей, то мы въ правѣ думать, что второе полногласіе вездѣ имѣетъ характеръ спорадиче-

Свр. *елозить*: «позелозте, гости наши» — покушайте, попробуйте; «елозъ»! «елусъ» — привѣтствіе ѣдящимъ. Если это слово заимствовано, то основ. форма корня — *арг* или *argh*; *) отсюда *rai* въ Литов. *ragauti*, вкушать, пробовать пищу, *raginti*, угощать ѣдою, собст. дѣлать такъ, чтобы нѣкто кушалъ.

г) Если лит. *alvas*, лат. *alva*, олово, заимствованы, то въ ст.-слав. *телово* (Mikl. Lex.) при *олово*, русск. также, поль. *ołow* и пр., то основн. форма есть *алвам*, для поль. *alevis*. Такимъ образомъ въ этомъ словѣ мы бы имѣли рѣдкій случай не второго, а перваго полногласія (см. ниже), при томъ общеславянскаго. — Быть можетъ другой подобный случай (перваго, т. е. не заключающаго въ себѣ глухихъ) полногласія представляетъ стар. *оловина*, хмельной напитокъ (см. Mikl. Lex. Цыган. *lovina*, пиво), если только это слово не заключаетъ въ себѣ предлога *о* и дѣлается такъ: *олов-ина*, при чемъ *о* объяснялось бы изъ тематическаго *у* въ основ. формѣ *алу-* (ст.-слав. *олъ*, лит. *alu-s*, пиво), какъ *о* въ *медв-одъ*, *медв-янъ* изъ *у* въ *мадһу-*, и основ. форма была бы *алв-ина*. Такое объясненіе оправдывается сближеніемъ этого слова съ *олъ* у Даля, но при немъ я затрудняюсь объяснить игнорируемое Далемъ *а* въ Пск., Тв. *олавина*, Тв. *олавина*, квасная гуща, дрожжи.

*) *Елзатъ* — ѣсть — слово татарское, или вѣрнѣе чувашское.
Ред.

скій; таже форма въ той же мѣстности произносится двояко: Тв. *голубец* и *головец*. Отсюда а ргіогі мало вѣроятности, чтобъ и въ древнихъ памятникахъ можно было найти второе полногласіе, какъ постоянное правописаніе. Второе полногласіе въ нынѣшнемъ видѣ, то-есть, съ *о* или *е* по обѣ стороны плавнаго, навѣрное восходитъ къ XIV—XV вѣкамъ. Въ Новгородскихъ купчихъ этого времени, рядъ коихъ находится въ Акт. юридич., 110 и слѣд., два слова въ обычныхъ выраженіяхъ этихъ актовъ имѣютъ постоянно *оло*, *ере*: «се купи N и да на той земли (столько-то), а *пополонка* корову (куря, пузь невѣ(й)ничи ржаной и т. п.)», или: «а тутъ (въ цѣнѣ) имъ (ему) и *пополонокъ*», «а купи N себѣ *одерень* и своимъ дѣтемъ». Изрѣдка оба слова неполногласны (куря *пополнѣка*, *одернь*, 113), или съ *з*, *ь* на второмъ мѣстѣ: *одернь*, *пополнѣка*, *іѣ*, *одьръ* (въ прокъ, безъ выкупа) и грамоты *дерноватыи* (Собр. госуд. грам. I, № 13 и др.)—отъ *дърнь*, *сѣзрес* и отъ обхожденія отчужденной или приобрѣтенной земли по межѣ съ кускомъ дерну на головѣ, Аѳ. Поэт. Возвр. I, 147—9. Въ купчей княгини Θεодосіи (послѣ 1389, Срезн. Пам. русск. письма, 268), памятникѣ, о которомъ упомянуто выше (съ *путикомо*, за Кузьмокою, на *Словѣнокѣ*), находимъ «овцю *пополонока*». Восходя къ болѣе древнему времени, въ Новгородскихъ грамотахъ XIII вѣка и начала XIV, находимъ: на Торожку, въ Торъжку, въ Търъжку и тамъ же «на Новотъръзкой земли» (Собр. госуд. грам. I, № 1—11, 1265—1307) *). Отъ такихъ формъ, какъ напимѣрь, «чорныхъ людѣй» (1317, *іѣ*, № 13), гдѣ чистое *о* предполагаетъ *е* изъ *ь*, еще нельзя заключать, что въ другихъ случаяхъ (напимѣрь, *държати*, *повьргя*, *кърмилъ*, 1307 *іѣ*.) глухіе звуки ставились только по старой памяти.

*) Слова *Перемь* и *Пърьме*, *Голопърьме*, *іѣ*, сюда нелѣзутъ, какъ болѣе близкія по второму *е*, *ь* къ первоначальной формѣ, чѣмъ *Перьме*: финск. *Perämaa*, задняя, дальняя страна, изъ *perä*, позади и *таа*, земля; см. *Гротъ*, Филолог. раз. 280.

Новгородская 1 я лѣтопись по Синодальному списку, писанная, какъ полагаютъ, частью въ XIII вѣкѣ (первые два почерка до 1234 года), частью въ XIV, — памятникъ, весьма важный въ разсматриваемомъ отношеніи. Извѣстно, что въ изданіи Археографической коммиссіи не вполне соблюдаются многія древнія и характерныя формы этого памятника; что помѣщаются онѣ лишь въ выноскахъ, и то, кажется, не всегда, между тѣмъ какъ въ текстѣ ставятся формы, исправленныя по личному разумѣнію, напримѣръ — *тъ* вмѣсто достигательнаго на — *тъ*; *изѣ*коша, изъ Смольнска вмѣсто *исѣ*коша, и — Смольнска; зятю (дат.) вмѣсто зяти; Переяславлю вмѣсто Переяслаю, наконецъ — что для насъ важно въ настоящемъ случаѣ — «на Тържку» вмѣсто «на Търожьку» и т. п. Тѣмъ неменѣе памятникъ этотъ и въ томъ видѣ, въ какомъ изданъ, позволяетъ замѣтить слѣдующее:

а) Тѣ немногія слова, въ коихъ сравненіе русскаго съ польскимъ и лужицкими указываетъ на мѣсто глухаго звука *послѣ р, л*, пишутся въ Новгородской 1-й лѣтописи постоянно одинаково, съ глухимъ или его замѣною послѣ плавныхъ: дръва, крѣви, въ брънѣ, яблѣковѣ, крестѣ и хрестѣ, прибрѣде, 9 (сравн. непрѣбръдомъ, Сб. 1073. Бусл. Христом., 261), Грьцинѣ и Грьцкѣ, просльзиться; разнообразіе написанія — только въ случаяхъ, для коихъ сравненіе части русскихъ говоровъ съ польскимъ и другими даетъ основную форму съ *з, ь* передъ *р, л*. Здѣсь

б) изрѣдка, какъ-бы по опискѣ, глухой стоитъ послѣ плавнаго: на Тръжку, 33, на трѣгу, 17, дръжаше, 14, цръкы, 21; это, быть можетъ, книжное вліяніе;

в) въ большинствѣ случаевъ *з, ь* или *о, е* — передъ плавными по общерусски: хѣлмъ, мѣлния, въ бѣрзѣ, по върху и пр.;

г) въ значительномъ меньшинствѣ — *зрз, ьрз, ьрз*, или *зро, ере*: на Тържку 23; изъ Тържку 31 (описка вмѣсто *зро*), на Търожьку 33; съ Торожьку 33, Морьдва 3, Яропѣлькъ 24, Съмена Стѣльпника 29, 21, по воложье 34 (по Вѣлга), къ надолобомъ 51, мѣльвити 6,

церенцемъ (дат. мн.) 7, въ цереньцихъ 45, цѣренци 49, на вѣрбницію 11, 13 и др., вѣрбнои недѣли 24, вѣрьшь 5, мѣрътва 19, мѣрътвого 30; Цѣрьнигова 24, сѣвърьши 24, дѣръзну 26, дѣръжа 75.

Къ этому прибавимъ нѣсколько словъ изъ другихъ Новгород. памятниковъ того же времени и болѣе древнихъ.

Въ Новгородской духовной до 1270 года (Срезн. Свѣд. и зам. IV, 38)—съ борѣтью, одѣрънь.

Въ Паремейникѣ 1271 года (Срезн. Пам. русск. письма и Бусл. Христом., 73 и слѣд.) съ замѣтными сѣверно-великорусскими признаками [е вмѣсто ѣ на концѣ]—находимъ: вѣребныя недѣли (Срезн. Пам., 235) въспопѣлъзнутся (Бусл. Христом. 77) рядомъ съ «удръжати» и общерусскимъ вѣрху, скорбѣ и пр.

Въ Мстиславовомъ Евангеліи до 1117 г. (Срезн. Пам. и Бусл. Христом.)—стѣлѣ, на тѣржищихъ, сѣвърьши, дѣръжасте, отѣвъръзостасѣ, извѣръгоша, вѣрхоу, пѣръстѣмъ, пѣръвѣи, сѣмѣрѣти и рядомъ отѣвржесѣ и др.

Такимъ образомъ современные сѣверно-великорусскіе говоры относительно *доложно* и пр. могутъ быть связаны посредствомъ ряда памятниковъ съ древнѣйшимъ извѣстнымъ памятникомъ Новгородскаго письма, Остромировымъ Евангеліемъ. Сходство этого послѣдняго съ другими Новгородскими неможетъ быть случайно.

а) И въ Остромировомъ Евангеліи слова, отмѣченныя выше подѣ а, именно кровь=крѣвь, пишутся только однимъ способомъ, съ глухимъ послѣ плавнаго, хотя не всегда этотъ глухой звукъ соответствуетъ требованію русскаго языка: брѣннѣ, крѣвь, плѣть и плѣть, трѣсть (вмѣсто ожидаемаго трѣсть) скрѣжьть, плѣвати, прослѣзисѣ, клѣнѣте.

Въ такихъ словахъ, гдѣ з, ѣ ожидается передѣ р, л, находимъ въ Остромировомъ Евангеліи:

б) написанія общія этому памятнику съ другими старо-славянскими нерусскаго письма, безъ соблюденія различія между з и ѣ: влѣкъ, мѣрътъвѣ, жрѣньвахъ, истрѣгнети; иногда съ сохраненіемъ ѣ послѣ р: зрѣно. Эти написанія находились уже въ памятежѣ, съ кото-

раго списывалъ дьяконъ Григорій, или его русскій предшественникъ, такъ какъ, съ одной стороны, они не могли быть внесены изъ русскаго языка, а съ другой — они находятся въ такихъ памятникахъ, какъ Супрасльская рукопись, Клоцѣвъ глолодита, Саввина книга и др. (ср. Срезн. Пам. юсоваго письма, 176);

γ) написаніе русское съ однимъ глухимъ и съ различіемъ еровъ: вѣвѣргуть (sic), вѣрви, вѣрха, дѣржите, дѣрзижѣ, мѣркнеть, мѣртвии, испѣлнь и проч.;

δ) наконецъ, написаніе съ двумя глухими по обѣ стороны плавнаго, при чемъ или оба глухіе одинаковы, согласно съ правиломъ втораго полногласія въ нынѣшнихъ сѣверно-русскихъ говорахъ (бѣрьвѣно, вѣрьгѣть, вѣрьхъ (=оу), дѣрзижѣ, зѣрьно, извѣрьжетьсѣ, пѣрьвое, пѣрьси, сѣмѣрѣти, вѣлѣниенію, дѣлѣты, дѣлѣжни, дѣлѣжникомъ, мѣлѣва, мѣлѣчаше), или второй глухой остается неопредѣленнымъ (вѣвѣргѣшѣ, вѣртоградарѣ, вѣртѣпѣ, вѣрхоу, жѣртѣоу, мѣрзѣсть, чѣрноризѣцѣмъ, чѣрта, гѣрлѣчища, пѣрта, скѣрѣби, дѣлѣжнѣ, мѣлѣчѣ, пѣлѣнѣ), или на первомъ мѣстѣ ъ, на второмъ г (вѣртоградѣ, дѣрзаѣ, пѣръсты), или наконецъ первый глухой несоотвѣтствуетъ нынѣшней замѣнѣ въ русскомъ: вѣрхоу, пѣрѣвѣнѣцѣ.

Я несогласенъ съ догадкою г. Колосова, что въ случаяхъ δ) лишь первый глухой звукъ поставленъ по русскому произношенію, второй же изъ подражанія оригиналу списка (Очеркъ, 59). До тѣхъ поръ, пока nebudeтъ доказана ошибочность сближенія современныхъ сѣв.-в. русскихъ формъ, какъ *доложникъ*, съ формой Остромирова Евангелія *дѣлѣжникъ*, эту послѣднюю нужно считать за явленіе, находящееся въ памятникахъ потому, что оно было въ говорѣ писцовъ.

Затѣмъ спрашивается, находится ли написаніе γ) и δ) въ древнихъ памятникахъ, хотя бы и русскихъ, но не сѣверныхъ, и если — да, то въ какой мѣрѣ оно имъ свойственно? Конечно, было бы ошибкой отвѣчать на этотъ вопросъ утвердительно, ссылаясь на памятники южно-русскіе по происхожденію, но переписанные на

сѣверѣ, какъ Ипатьевская лѣтопись (гдѣ, напримѣръ, свой полокъ Ип. 24, на всребницу, іѣ. 29), или указывая на случаи изъ различныхъ древнихъ памятниковъ со вторымъ глухимъ или чистымъ, принадлежащимъ къ суффиксу, напримѣръ, отъръши, зѣлоба, въ Сб. 1073—зѣлоба, сквърьно, жьрьць.

Выше было замѣчено, что второе полногласіе въ нынѣшнемъ видѣ есть явленіе сложное: оно состоитъ частью въ присутствіи бѣглой гласной послѣ *р*, *л* тамъ, гдѣ ея нѣтъ въ другихъ русскихъ говорахъ (напримѣръ, верѣхъ, верха), частью же въ двухъ *о*, *е* по обѣмъ сторонамъ плавнаго, изъ которыхъ ни одно безусловно качествомъ слога. Первоначально второе полногласіе могло состоять только въ этомъ послѣднемъ случаѣ, потому что вообще появленіе вліянія качества слога на измѣненіе гласныхъ есть въ славянскихъ языкахъ явленіе относительно позднее. Согласно съ этимъ изъ возможныхъ доказательствъ того, что второе полногласіе въ древности (приблизительно до XII вѣка) было свойственно не однимъ сѣверно-русскимъ памятникамъ, наиболѣе удовлетворительныя должны бы состоять въ указаніи на формы со вторымъ *з*, или *о*, *е* послѣ плавной передъ другою согласною, послѣ которой стоитъ чистая гласная, напримѣръ *дългы*. Если бы указана была, напримѣръ, форма *дългъ*, *longus*, то можно было бы спросить, точно ли въ ней—*гъ* составляетъ слогъ, и не есть ли второе *з* того же происхожденія, какъ второе *о* въ литературномъ русскомъ дологъ, въ коемъ это *о* вызвано качествомъ слога и не могло существовать, когда конечное *з*, какъ гласная, еще было въ полной силѣ. Если бы было указано слово со вторымъ *ь*, напримѣръ, *вьрьхъ*, *поскърьби*, то мы спросили бы, дѣйствительно ли оно соответствуетъ сѣверно-велико-русскому *верѣхъ*, и не есть ли второй *ь* не гласная, а лишь знакъ смягченія предъидущаго *р*, какъ въ нынѣшнемъ в.-русск. *верхъ* (=вер.х) и въ формѣ, предполагаемой польскимъ *wierzch*? Кажется несомнѣннымъ, что уже въ памятникахъ очень древнихъ *ь* кое гдѣ имѣетъ такое значеніе,

напримѣръ, въ перѣмъ, Сб. 1076, Бусл. Христ. 291.

Въ Святославомъ сборникѣ 1073 года находимъ: испѣл'нь (Срезн. Пам. Р. п. 138), испѣл'нь (Бусл. Христ. 261, 270), вѣлхвуми (ib. 273), бѣл'ванъ (Вост. Слов. ц.-сл. яз. s. v.), въ гѣр'ньци ib., отъ пѣл дѣл'гы, мѣртва, и Срезн. Пам. 145, мѣртваца, тѣр'пащимъ, ib.

Въ Сборникѣ 1076 года: мѣртваца, Срезн. Пам. 143, не мѣртваца ib., поскѣрби ib., мѣртваца, Бусл. Христ. 295, удѣржа, ib. 296, пѣрси, ib.

Въ Чудовской псалтыри XI вѣка (Срезн. Пам. юсов. письма 172) — вѣзгѣр'динѣсѣ, отѣвр'зѣмъ, пѣр'вѣца, сѣмѣртнаѣ, сѣрѣца, въ пѣрѣсть, сѣр'дце, дѣржаж.

Въ переводѣ словъ Григорія Богослова XI вѣка (Будиловичъ, Исслѣд. языка 13 ти словъ Григорія Богослова, 11): кѣр'мити, мѣртва, одѣржании, сѣрѣцѣ, сѣвр'шаѣ, дѣр'зъ, вѣздѣр'жании, тѣр'пите.

Такимъ образомъ мы видимъ, что есть примѣры, вполне удовлетворяющіе вышепоставленному требованію (дѣл'гы); но остается вопросомъ, кто были писцы этихъ памятниковъ, ибо, напримѣръ, ни *у* изъ *оу* (оузираѣ), ни на оборотъ *оу* изъ *у* (въгодникъ), ни *и* изъ *и* (сѣ стѣпѣ, смотрити) не должны быть разсматриваемы непременно какъ слѣды южно русскаго происхожденія писца, какъ это дѣлаетъ г. Будиловичъ относительно перевода словъ Григорія Богослова (24): признаки эти могли быть свойственны и говору сѣверно русскаго писца, на который можетъ указывать и замѣна конечнаго *з* черезъ *о* въ томъ же памятникѣ: «свѣтъ женомо но непостижимо (ib. 10)». Взявъ во вниманіе, что южно-велико-русскія и мало-русскія формы *торгъ*, *волк* — *воокъ*, а равно древне-русскія *тѣргъ*, *вѣлкъ*, предполагаемыя и сѣверо-западными славянскими нарѣчіями, отнюдь не предполагаютъ формъ *тѣргѣ*, *вѣлкѣ* и ненуждаются въ нихъ для своего объясненія, мы спросимъ себя, что вѣроятнѣе: то ли, что писцы сборниковъ 1073 и 1076 годовъ, Чудовской псалтыри и перевода словъ Григорія Богослова были сѣвернаго происхожденія, или если это не такъ, то что формы съ двумя *з*, *ь* были

у нихъ не народнымъ, а личнымъ явленіемъ, или же то, что формы, какъ дѣлгы, были нѣкогда общерусскими, но затѣмъ въ большей части русскихъ говоровъ исчезли безслѣдно? Я полагаю, вѣроятнѣе первое, а вмѣстѣ съ тѣмъ вѣроятнѣе другихъ и предположеніе, что формы съ двумя з, ѣ въ Острогѣ. Евангеліи суть явленіе только областное и свидѣлствуютъ объ особности сѣв.-велико-русскихъ говоровъ (или говора) въ XI столѣтіи.

2) Перехожу къ другому вопросу—объ отношеніи такихъ формъ, какъ *мѣлѣва* и *мѣлава*, къ формамъ въ родѣ *мѣлѣва* и пр. Что мѣшаетъ намъ принять, что написание *мѣлѣва* пришло къ намъ оттуда жъ, откуда—переводы церковныхъ книгъ, и на русскомъ сѣверѣ случайно сошлось съ подобнымъ туземнымъ явленіемъ? Конечно, помѣхой служить недостатокъ или большая рѣдкость такихъ формъ въ древнихъ нерусскихъ памятникахъ церковно-славянскаго языка. Но остается возможность другаго предположенія: мѣсто глухаго звука позади плавнаго (тѣргъ, сѣмрътъ), быть можетъ, предполагаетъ, что въ тѣхъ говорахъ, коимъ принадлежать такія формы, нѣкогда имѣло мѣсто произношеніе *тѣргъгъ*, *сѣмрътъгъ*, то есть, что второе полногласіе (съ глухими) могло быть переходомъ отъ *тѣргъгъ* къ *тѣргъгъ*. Чтобы дать этому предположенію большую устойчивость, нужно показать, что другаго средства измѣнять *гъ* въ *ргъ* и пр., кромѣ временнаго полногласія, не бываетъ, или что по крайней мѣрѣ такое полногласіе есть наиболѣе обычное средство такъ называемой перестановки плавныхъ. Къ этому мы еще воротимся. Предварительно я соберу здѣсь положенія, которыхъ теперь считаю нужнымъ держаться, отчасти во вредъ прежнимъ своимъ мнѣніямъ:

а) Различіе словъ съ глухимъ послѣ плавнаго (брѣвъ, слѣза) отъ словъ съ глухимъ передъ плавнымъ (тѣргъ, вѣлкъ, пѣрътъ) древнѣе безразличія этихъ словъ относительно мѣста з, ѣ, каково бы ни было это мѣсто.

б) Различеніе з отъ ѣ при плавныхъ (пѣрътъ и пѣрътъ, слѣза, клѣнж и мѣлава, бѣлѣха) древнѣе безразличія этихъ звуковъ, будетъ ли графически выражаться

это безразличіе постояннымъ употребленіемъ *з*, или *ъ*, какъ въ сербскихъ памятникахъ.

в) За вычетомъ такихъ словъ, какъ *бръвъ* = русск. соврем. *бровь* = польск. *brw*, во всѣхъ остальныхъ сюда относящихся русское написаніе *тѣргъ*, *нѣрстѣ* древнѣе позиціи глухихъ. Иначе: я считаю менѣе вѣроятнымъ мнѣніе г. Ягича, что *възна* возникло прямо изъ такой формы, въ которой чистая дославянская гласная стояла послѣ плавной. Держась мнѣнія, что *з*, *ъ*, кромѣ завѣдомо позднѣйшихъ глухихъ въ хорутанскомъ и болгарскомъ и немногихъ другихъ случаевъ въ другихъ нарѣчіяхъ, суть общее достояніе славянскихъ языковъ, я думаю, что уже по возникновеніи этихъ звуковъ при *р*, *л* между славянскими нарѣчіями произошелъ расколъ относительно ихъ мѣста при *р*, *л*. Одна часть нарѣчій въ общемъ осталась при старинѣ (*тѣргъ*, но *бръвъ*). Сюда относятся русское и сѣверо-западные, при чемъ предполагается, что чешское нарѣчіе отклонилось отъ нихъ позже. Въ другой части произошла перестановка частью такая, что *тѣргъ* уравнилось съ *бръвъ*, а *нѣрстѣ* съ *крѣстѣ*, частью же обратная*), состоящая въ перемѣщеніи глухого и тамъ, гдѣ онъ прежде слѣдовалъ за плавнымъ: *кѣрстѣ*, *кѣрвъ*, *сълза*. Мнѣ кажется вѣроятнымъ, что звукъ, слышимый теперь передъ *р* въ сербо-хорватскомъ и передъ *р*, *л* въ хорутанскомъ тамъ, гдѣ онъ по мѣсту совпадаетъ съ русскимъ, есть прямой остатокъ (относительно мѣста) общеславянской старины, а гдѣ отклоняется отъ русскаго (*карв*, *керв*), тамъ новѣе. Г. Ягичъ (*Podmlad. vokaliz.* 53, 56—7) полагаетъ, что уже въ стар. Серб. (хорв.) языкѣ *з*, *ъ* при *р*, *л* потеряли свое фонетическое значеніе и *р*, *л* сами по себѣ, безъ полугласныхъ стали вокальнымъ элементомъ слога:

*) Ср. хорут. *bolha* (русс. блоха = блѣха), *solza* (рус. слеза = слѣза), *berst'* (русс. брость = брѣсть), *kerw* (русс. крѣвь = крѣвь), *kert* (русс. кротъ = крѣтъ). Ст.-сл. Серб. (XVI в.) *пуот* (изъ пѣтъ, а это изъ плѣтъ), раньше (XIII в.) *кельнемо се* (т. е. кѣнемо се изъ кѣнемъ сѣ).

Серб. дуг (долгъ) произошло изъ *дл* посредствомъ во-
кализации гласнаго л (sic) въ у. Далѣе ссылаясь на
формы XVI—XVII в. какъ *пуокъ* (пѣлкъ) *стуоп*
(стѣлпъ), *муоя* (мѣлня), снѣ принимаетъ «глухое»
уо за переходъ отъ гласнаго л къ у. По мнѣ, *уо* въ
этихъ и подобныхъ случаяхъ (Даничичъ, Рјечник, рас-
sit) прямо примыкаетъ къ *гл* съ гласнымъ *г* и согласн.
л, напр. въ древнихъ серб. формахъ, сохранныхъ въ
Византійскихъ памятникахъ въ видѣ ол, оул: Βέλχανος,
Βόλχος, Βοουλῆδλαх (Майковъ, Ист. Серб. языка). Ког-
да изъ л переходъ согласнымъ возникло о, то чистая за-
мѣна ера сначала колебалась между у, о, а, даже е
(кельнемо се). Рядомъ съ *уо* изъ *гл* (дугъ) стоятъ стар.
оо = о (Вокосавъ = Вѣлкославъ, хомьски = хѣлмски,
Данич. Рјечн.) и ао (пынѣши. заова = зѣлава). *Уо* = *гл*
получило перевѣсъ, и у въ немъ поглотило о. Такъ и
серб. *суза* изъ суоза, а это изъ *сѣлаза*, возникшаго
на серб. почвѣ вм. основнаго *сѣла*. Тоже у между
согласн. достигнуто другимъ путемъ въ хорут. (у изъ
оу = *гл*), въ полабскомъ (tust изъ tǫst = тѣст), влуж.
(stup изъ stoup, stowp) между тѣмъ какъ въ мр. оѹ,
ов = *гл* (стовп) неподвергалось стяженію. Въ той части
языка, гдѣ общее правило требуетъ постпозиціи *з*, *г*,
могло быть всего одно нарѣчіе, именно то, которое силь-
но повліяло на старинную письменность. Образцами это-
го нарѣчія могутъ служить памятники, на которые ука-
зываетъ г. Срезневскій, какъ на наиболѣе подходящіе
къ такъ-называемому имъ чистому славян. языку, имен-
но Туровское Евангеліе и Чуловская Псалтырь, оба
XI в. (Памятн. юсоваго письма, 168 сл.), гдѣ читаемъ:
отвързи, повръгъ, протръзаахъ, одръжааше, милосръди,
исплъниши, прискрѣбна, впрочемъ, при нерѣдкихъ от-
клоненіяхъ (сърдце и пр.), объясняемыхъ вліяніемъ
русскаго языка. Изъ этихъ памятниковъ видно, что смѣ-
шеніе *з* и *г* въ старо-славянскомъ невосходитъ до на-
чала письменности на этомъ языкѣ.

Постпозиція *еровъ* могла быть внесена въ пись-
менность изъ какого-либо болгарскаго говора. Въ ны-

нѣшнемъ болгарскомъ, по словамъ Цанковыхъ, глухой звукъ можетъ ставиться и передъ плавными, и послѣ нихъ, притомъ, какъ видно изъ примѣровъ, безразлично какъ въ случаяхъ, подобныхъ русскимъ *блѣха*, *слѣза*, такъ и въ случаяхъ подобныхъ русскимъ *торгъ*, *чернь*: blùhǎ и bûlǎhǎ, slùzǎ и sùlzǎ; Blùgarin и Bùlgarin, črûn и čèrn, črûvén и čèrvén, smrût, и smûrt (Gram. der Bulg. Spr., 4). То же подтверждаетъ и г. Безсоповъ. По его словамъ, когда глухой звукъ находится послѣ плавнаго, то онъ всегда бываетъ з (зрѣно, срѣпъ, чрѣнь), но когда является передъ нимъ, то подвергается вліянію предыдущаго согласнаго и потому послѣ шипящихъ и свистящихъ (?) является большею частью ѣ: съѣза, съѣрце, чѣрни, жѣлти (Гл. вопр. яз. н.-болг. 78, *Временникъ общ. ист. и древн.* XXI, 1855 г.). Впрочемъ, сомнительно, чтобы ѣ въ съѣза стояло въ силу вліянія предыдущаго свистящаго; если эта форма дѣйствительно существуетъ (у Цанковыхъ съѣза=sùlzǎ), то въ качествѣ глухаго звука скорѣе слѣдуетъ видѣть остатокъ старины. М. С. Дриновъ указалъ мнѣ на одинъ изъ болгар. говоровъ (въ Ксантійской обл. зап. Тракіи болгар. народн. сборникъ 114—15, 255 сл.), въ коемъ замѣной ѣ, ѣ при р, л служитъ доегласн. оа (ѣа=joа, пишутъ иоа): ѣр: поардна (пърдиж, аор.) боарце (бърдце), расоардила, поарст (пърстъ, пылъ); зр: тоаргнува; жл: воальк съ воальчети-ци, поални (ми. ч.), напоалнила; лл: иде на длогоа поата, слоанце. Сомнѣнія въ томъ, произносится ли этотъ дифтонгъ въ данномъ случаѣ передъ плавною, или послѣ нея, быть не можетъ. Возникъ онъ изъ звука, близкаго къ а (=ъ). На это указываетъ слѣдующее. Тамъ же ѣр=ар (варви, карстомъ карто-санъ), ѣ=оа (са ѣ соавнулу=съвнжло=свнжло), а=оа (ѣдоашъ); ж (неударяемое?)=а (пукналу=пукнжло) и ж=оа (боади, роаки -тѣ, моаду=мждо, ядоат=яджтѣ (ѣдятъ), глѣдоатъ (=аѣжтѣ); ѣ=ѣа (joа): да му олеакне кату лѣаку перу, лѣасно (лѣсно) легко, дошѣаль, отишѣаль. Что касается прежняго моего мнѣнія: «вообще въ славянскихъ нарѣчійхъ перестановка плавныхъ (*торгъ*,

targ изъ *тригъ*) есть позднѣйшее отступленіе отъ правила, что плавная несходится съ послѣдующею согласною» (Два изслѣд., 31), то оно, какъ мнѣ теперь кажется, выведено изъ ошибочныхъ предположеній. Изъ уравниенія «мрътвъ: mortuus=гласъ: garsas», то есть, изъ соотвѣтствія по мѣсту гласной формъ *мрътвъ* и *гласъ*, отнюдь неслѣдуетъ, что въ нарѣчіяхъ, требующихъ чистой гласной послѣ *р*, *л* въ *гласъ*, должна была стать на то же мѣсто и глухая въ *мрътвъ*. Искомая гармонія между явлениями языка можетъ и небыть столь прямолинейна. Чтѣ же невѣроятнаго, что при однихъ условіяхъ языкъ терпитъ стеченіе плавной со слѣдующею согласной, а при другихъ нѣтъ? Вся сила и трудность въ томъ, чтобъ узнать эти условія.

Мнѣніе, что *влъкъ* относительно мѣста глухаго звука древнѣе, чѣмъ *влкъ*, можно бы было поддерживать ссылкой на санскр. *ṛ=рй* (врька=влкъ), какъ это сдѣлалъ я (Два изслѣд., 31—32), лишь въ томъ случаѣ, еслибы эти явленія были не только сходны, но и связаны историческою преемственностью, то есть, если бы ближайшимъ основаніемъ формы *влъкъ* служило санскритск. *врька*. Но въ настоящее время неможетъ быть сомнѣнія, что славянскіе глухіе при *р*, *л* и санскр. *ṛ* гласное возникли совершенно независимо другъ отъ друга, какъ и кое-что другое сходное въ обоихъ языкахъ, напримѣръ, шипящія изъ гортанныхъ (Jagié Rad. XIV, 203). Санскр. *ṛ*, *л* непредполагаются даже индійскими нарѣчіями, ближайшими родичами языка Ведъ и санскрита; тѣмъ менѣе они могутъ предполагаться какимъ-либо изъ другихъ индо-европейскихъ языковъ. Въ надписяхъ царя Асоки (между 263 и 226 г. до Р. Х.), въ пали и языкахъ пракритскихъ санскритскимъ формамъ съ *ṛ* соотвѣтствуютъ почти исключительно такіа, которыя произошли не изъ *рй* и не изъ ближайшихъ къ нему сочетаній, о которыхъ—ниже, а изъ *ар*, на примѣръ въ надписяхъ Асоки *ката* изъ *карта* (санскр. *крта*), *катвâ* изъ *картвâ* (санскритск. *кртвâ*), о чемъ см. Benfey въ Orient. u. Occ. Ueber r, § 8).

Традиционное произношеніе санскритскаго $\bar{r}$ (гласнаго) какъ $r\bar{i}$, едва отличимое отъ согласнаго $r+i$, едва восходитъ ко времени до VII вѣка нашего счисленія (Benf. ib., стр. 34). Гдѣ это $r\bar{i}$ возникло изъ ar со слѣдующею согласною, тамъ произношенію $r = r\bar{i}$, по мнѣнію Вебера и Бенфея, основанному на показаніяхъ туземныхъ комментаторовъ Ведъ, предшествовало произношеніе r между двумя краткими гласными, близкими къ a или неопредѣленными. Произношеніе $m^a r^a t\bar{a}$ (въ Ведахъ) возникло изъ $m a r t\bar{a}$ посредствомъ вставки второго a ; $m r\bar{i} t\bar{a}$, вслѣдствіе усилившагося вліянія ударенія, падающаго на слогъ, большію частью слѣдующій за тѣми, которые заключали въ себѣ r , потеряло первое a и ослабило второе до неопредѣленнаго i (i).

Санскритскому $\bar{r}$ во многихъ случаяхъ соответствуетъ Zendск. $\bar{e}r\bar{e}$: $k\bar{e}r\bar{e}t\bar{a}$ = санскр. $k\bar{r}t\bar{a}$ (прич. страдат. отъ kar — дѣлать), $k\bar{e}r\bar{e}ṣa$ = санскр. $k\bar{r}ṣa$, худой, тощій, и проч. Это $\bar{e}r\bar{e}$, не смотря на согласіе съ санскр. $\bar{r}$, возникло не изъ него, а изъ ar , затѣмъ со вставнымъ a — $a\bar{r}\bar{a}$, съ ослабленіемъ второго $\bar{a}$ до $\bar{e}$ — $a\bar{r}\bar{e}$, и съ угодобленіемъ перваго гласн. второму $\bar{e}r\bar{e}$ (Benf. § 28, Vorr. V. Gr. I, 2 — 3; относительно происхожденія $\bar{r}$ Benf. § 31).

Случаи, когда удареніе падаетъ въ санскр. на $\bar{r}$, должны быть сочтены позднѣйшими (Benf. ib. § 32).

Итакъ кромѣ санскр. $r = r\bar{i}$, напоминающаго слав. z при r , l , въ языкѣ Ведъ и Зендѣ есть явленіе, сходное съ русск. grz и pr . Впрочемъ это только аналогіи, которыя при ближайшемъ разсмотрѣніи, быть можетъ, окажутся болѣе отдаленными, чѣмъ можно думать съ перваго взгляда; ибо пока неможетъ считаться доказаннымъ, что ослабленіе первоначальнаго звука въ дославянское время и затѣмъ превращеніе его въ глухой въ славянскомъ языкѣ могли произойти какъ образованіе $\bar{r}$ въ санскритѣ, только въ слогъ неударяемомъ.

Стало быть, отъ мнѣнія, котораго я держался прежде, о болѣе древности постпозиціи глухаго (вѣкъ), остается только фактъ, что въ памятникахъ весьма древнихъ эта постпозиція уже встрѣчается.